

Валерий МИХАЙЛОВ В ЛАБИРИНТЕ ВЕРСИЙ

@ЭЛИТА

18+

Валерий Михайлов
В лабиринте версий

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Михайлов В.

В лабиринте версий / В. Михайлов — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Устав от семейных неурядиц, и повинувшись внутреннему голосу, Максим Трубопроводов, отправляется в качестве первооткрывателя в путешествие в Москву, по которой не ступала нога Ленина. Буквально через несколько недель столичной жизни он попадает в положение «вне закона».

Трубопроводов вынужден скитаться по «конспиративным» квартирам, где его укрывают друзья и знакомые Ты – гида, ставшего его единственным другом. Приключения следуют одно за другим, и вскоре Трубопроводов оказывается в центре межпланетного заговора: против внеземных врагов человечества сражается тайное общество «Орден Пса».

© Михайлов В., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Валерий Михайлов

В лабиринте версий

© ЭИ «@элита» 2013

* * *

Вместо эпиграфа звучит нота «фа».

Максим Трубопроводов смотрит на часы, которые показывают 17:45. До окончания эпиграфа еще 15 минут. Эпиграф вызывает у него примерно те же эмоции, что и посещение бесплатного стоматолога, но 15 минут – это, всего лишь, 15 минут. Чтобы хоть как-то скоротать время, Трубопроводов достает из кармана пачку дорогих сигарет, долго её осматривает, словно это не банальная отравка для всех и каждого, а настоящее откровение Господа Бога, еще не ставшее достоянием общественности и не превращённое, опять-таки, в отраву для всех и каждого, только, намного более опасную для здоровья, чем табак. Закончив изучение внешней оболочки, Трубопроводов решительно вскрывает пачку, извлекает из неё сигарету, внимательно осматривает со всех сторон, обнюхивает, засовывает в рот. Затем, с лицом матроса с гранатой, увековеченного на Мамаевом кургане, он выхватывает сигарету изо рта и рвет её на мелкие части.

Трубопроводов бросает курить. Курить хочется невероятно, но будучи известным на всю страну первопроходцем, скандалистом и просто героем, он не может себе позволить такую слабость, как сигарета.

Едва умолкает эпиграф, в комнату входит Валюша. Ей чуть больше 20. Она хороша собой, её – короткие волосы, небольшая, но очень приятная на ощупь, грудь, стройные ноги и вполне приличная фигура. Причем, она не из числа известных своей интеллектуальной девственностью эмансипированных красоток, похожих друг на друга, как негры в крошечной тьме. Валюша почти не пользуется косметикой и совсем не носит американскую улыбку «чиииз».

Валюше не надо корчить из себя героя, поэтому, войдя в квартиру, она скидывает туфли и, забравшись с ногами на диван, закуривает сигарету. Думаю, если бы поблизости был какой-нибудь Шерлок Холмс, он, глядя на то, как она курит, наверняка, сказал бы, что она стерва и был бы совершенно прав. Но, увы, в жизни Шерлоков Холмсов не бывает, по крайней мере, тогда, когда они больше всего нужны. Правда, Валя даже не пыталась скрывать свою стервозность, а, наоборот, при каждом удобном случае демонстрировала её на Трубопроводе. Они жили вместе уже полтора года – срок, за который ему вполне можно дать Звезду Героя.

Внешность Трубопроводова я не описываю намеренно, чтобы читателю легче было поставить себя на его место.

Не найдя на расстоянии вытянутой руки ничего, пусть, даже, отдаленно напоминающее пепельницу, Валюша небрежным, но не лишенным изящества движением сбивает пепел прямо на пол (благо, за чистотой в доме следит Трубопроводов), после чего холодно, словно репетируя роль Снежной Королевы, произносит:

– Я беременна.

Сказав это, она смотрит на Трубопроводова.

– Валюша, я, конечно, все понимаю, но дважды за один месяц шантажировать меня своей репродуктивной функцией – это уже слишком. Не далее, как две недели назад я уже давал тебе деньги, якобы, на аборт! – необычайно эмоционально реагирует на её слова Трубопроводов.

– Но, ведь, тебе понравилась кофточка?

– А нельзя было просто сказать, что тебе нужна кофточка?

– У меня, действительно, сначала была задержка, а потом они пошли... Не пропадать же деньгам. И вообще, почему это я должна перед тобой оправдываться?!

– Ты не должна передо мной оправдываться... – Тогда не заставляй меня этого делать, – произносит она не терпящим возражения тоном.

Несмотря на биологическую невозможность такого действия, Трубопроводов «поджимает хвост».

– Я беременна, – продолжает Валя, выдержав феноменальную паузу, – и мне не нужны твои подачки.

– Чего же ты хочешь, солнышко?

– Я хочу ребенка.

– Что?!

– Я хочу родить ребенка.

– Послушай...

– И не возражай мне!

– Я не возражаю.

– Вот и не возражай.

– Послушай, солнышко, – говорит Трубопроводов, подавая Валюше пепельницу, – я всегда поддерживал твоё увлечение авангардом, но сейчас... Подумай, что у нас может родиться после зачатия под пивом и анашой. К тому же, ты куришь, а для плода это верная смерть.

– Хорошо, ты меня подловил. Я еще не беременна, но я твердо решила родить ребенка, хочешь ты того или нет.

– Ты хочешь ребенка?

– А что тут такого удивительного? По-моему, это нормально – хотеть детей.

– Но, послушай... Беременность... Это нечто вроде глистов или рака. В твоём организме появляется некая опухоль, которая живет в тебе, питается тобой, срёт...

– Не смей так говорить о моем ребенке!

– Хорошо. Пожалуй, я тоже закурю.

Он закуривает сигарету.

– Ты бы мог не вонять здесь своими сигаретами? – недовольно бурчит Валя, брезгливо поморщив нос. То, что Трубопроводов взял сигарету из той же пачки, что и она, не играет, в данном случае, никакой роли.

– Но ты сама только что курила в комнате, – с обидой в голосе отвечает он.

– Я – это другое дело.

– Пойду куплю воды. Что тебе принести?

– Не знаю. Принеси что-нибудь. Можешь ты, хоть что-то, решить сам?

Вырвавшись на свободу, Трубопроводов решает на бунт. Вместо того, чтобы тащиться в ближайший супермаркет за покупками, он отправляется в кафе, где заказывает коньяк и креветок. Ну, любит он коньяк с креветками! После первой же креветки, подогретой глотком коньяка, он чувствует, как в животе появляется и нарастает неведомое ранее чувство. Чтобы разобраться в своей экзистенции, он заказывает еще коньяка. После вторых ста грамм он понимает, что это Зов Неведомого. И этот Зов требует от Трубопроводова решительных действий.

– Ты должен срочно допить и отправляться туда, куда еще не ступала нога человека! – требует Зов.

Какое-то время Трубопроводов пытается отмазаться – дескать, понятие «человек» является слишком абстрактным и, даже, в какой-то степени неопределимым, что делает такой поход практически невозможным.

Но Зов даже и не думает сдаваться.

– Тогда отправляйся туда, куда не ступала нога Ленина! – решает он.

Подозвав официантку, Трубопроводов спрашивает:

– Скажите, а в вашем кафе когда-нибудь бывал Ленин?

Она смеется в ответ.

– Я серьезно, – без тени улыбки уточняет Трубопроводов.

– Нет, – отвечает официантка и на всякий случай берет за горлышко бутылку.

– Хорошее начало, – весело констатирует Зов.

На этом вступительная часть, а, вместе с ней, и повествование в настоящем времени заканчивается.

Истинное первопроходство, и это аксиома, всегда начинается с покупки правильного путеводителя. Думаю, наши предки до сих пор бы гадили с веток деревьев, если бы им не удалось урвать «Путеводитель по местам эволюции». Без путеводителя арии никогда бы не отправились к югу, а Бодхидхарма никогда бы не нашел Китай. Моисей, тот по каждому вопросу бегал советоваться со своим туроператором. Иисус... Да, взять того же Колумба. Он, небось, и шагу не смог бы ступить без подробного описания новосветских мотелей и макдональдсов. Арджуна без путеводителя, вообще, готов был отказаться от участия в шоу.

Трубопроводову тоже предстояло стать ювелиром первопроходчества, потому что, ступи он, хоть раз, на протоптанную вождем мирового пролетариата тропинку и вся его затея пошла бы коту под хвост. Не думаю, чтобы кто-то был доволен таким результатом, особенно, кот. А Ленин, если вдруг кто не знает, где только ни шлялся! Возможно, своей вездесущностью он переплюнул даже самого Пушкина, который за свою короткую жизнь умудрился посидеть практически под всеми мало-мальски приличными дубами, словно он был не зеркалом русской поэзии, а друидским проповедником, баллотирующимся в президенты страны. Так, что, без путеводителя Трубопроводову было не обойтись.

Путеводители, как и всякая другая продукция, вышедшая из типографских кишок, продавались на книжном рынке, разместившись на территории закрытого городского кладбища. Проще всего туда было доехать на трамвае, но во времена Ленина трамваи уже ходили и Трубопроводов не стал рисковать. Вместо этого он решил потратиться на такси, понимая, что подобная расточительность в начале путешествия может сильно уронить его в глазах будущих биографов, которые из кожи вон будут лезть, чтобы включить в его биографию какую-нибудь дрянь.

Как часто бывает на рынке постсоциалистической эпохи, на прилавках было всего в изобилии, особенно книг, и, особенно, путеводителей, но того единственного, который был ему нужен, ни у кого не было. Все только и делали, что разводили руками, глядя на него, как на завсегдатая психиатрических лечебниц.

Путешествие грозило закончиться, так и не начавшись. Отчаявшийся Трубопроводов трижды успел пожалеть, что не отправился по местам, куда не ступала нога Пушкина. В этом случае ему достаточно было бы просто избегать дубов и пушкинских музеев, но с Лениным все было намного сложнее.

Уже позорно покидая рынок с пустыми руками, Трубопроводов наткнулся на вывеску: **МАСТЕР ПЕРПЕНДИКУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МАКСИМ МАКСИМОВИЧ И ВРАГИ.** Подобно многим из нас, Трубопроводов понятия не имел, что это за перпендикулярная литература, но, на всякий случай, решил заглянуть внутрь.

Внутри дремал мужчина неопределенной наружности, напомнивший Трубопроводову слепого кота Базилио.

– Вы что-то хотели? – недоверчиво спросил человек-кот.

– Я ищу путеводитель по не-ленинским местам, – сообщил Трубопроводов с безутешной грустью в голосе.

- Считайте, что вы его нашли, – спокойно ответил продавец.
- Он у вас есть? – Трубопроводов не поверил своим ушам.
- Ну, разумеется.

Продавец улыбнулся улыбкой доброго волшебника, прикинувшегoся, из скромности, каким-нибудь трубочистом, и выложил на прилавок внушительного вида книгу в солидном, дорогом переплете. Трубопроводова так и подмывало немедленно выложить деньги, сколько бы она ни стоила, но, ради сохранения лица, он, с видом знатока, который обычно на себя надевают профаны, начал рассматривать книгу. Сначала он прикинул её вес, затем понюхал, затем повертел в руках и только после этого заглянул внутрь. Его поведение напоминало поведение девственника, желающего показаться крутым любовником. Открыв книгу, он остолбенел. Внутри она была совершенно чистой. Нет, все издательские и типографские обозначения были на месте, номера на страницах тоже были, но вот самого путеводящего текста, хоть убей, не было.

- Что-то не так? – спросил продавец.
- Конечно, не так, и вы это прекрасно знаете, – зло ответил Трубопроводов, которого заставило дерзить сильное разочарование.
- Неужели, он уже кем-то заполнен?
- В том-то и дело, что он совершенно чист.
- Все верно. Он и должен быть чистым.
- Вы так считаете?
- Ну, да. Молодой человек, вы же хотите быть первооткрывателем, а первооткрыватели сами заполняют свои путеводители. Такова ваша миссия. Поверьте, я знаю, что говорю.
- Сколько с меня? – спросил Трубопроводов, которого слова продавца убедили.
- Все, что есть в ваших карманах.
- Боюсь, я не смогу себе позволить книгу за такие деньги, тем более, что она пустая.
- Пустыми бывают бутылки, головы и папиросы, да и то, последние лучше называть холостыми, – назидательно заметил продавец, – но, если пользоваться вашей терминологией, книгу, как и презерватив, важно уметь наполнить самому. Или вы не согласны?

Трубопроводов не нашелся, что возразить продавцу. К тому же, в тот момент он ещё не знал, что не иметь аргументов против и быть согласным – это далеко не одно и то же.

- Хорошо, беру, – сказал он.
- Позвольте полюбопытствовать, – спросил продавец, – а как и куда вы собираетесь отправиться в путешествие? У вас уже есть маршрут или какие-нибудь соображения?
- Честно говоря, не знаю.
- Очень хорошо, – обрадовался продавец. В этом случае я могу вам посоветовать одного человека. Он занимается авиаперевозками.
- Боюсь, я не смогу ему заплатить.
- А, и не надо. Его услуга входит в стоимость покупки.
- Это здорово.
- Тогда держите.

Продавец положил на прилавок визитку с адресом Авиаперевозок Августа и К°.

Авиаперевозки обосновались на пустыре, расположенном сразу за городской свалкой. Офис, он же ангар, находился в помещении бывшего склада ковров, который давно уже превратился в развалины банального сарая. У входа в сарай, на старом кресле, происхождение которого не вызвало бы даже у самой грубой подделки Холмса никакого сомнения, сидел владелец авиаперевозок и задумчиво смотрел на свалку. Казалось, наблюдая картины брэнности всего сущего и рукотворного, он не замечал ничего вокруг. По крайней мере, ни подъехавшего такси, ни вышедшего из него Трубопроводова он не заметил.

- Скажите, это Авиаперевозки Августа и К°? – спросил Трубопроводов.

– Именно, они, но вы совершенно правильно не доверяете кажущейся очевидности бытия, – ответил тот, почему-то с кавказским акцентом, несмотря на полное отсутствие чего-либо кавказского в облике.

– Меня к вам прислал Максим Максимович.

– О, молодой человек – первооткрыватель! – в голосе Августа к послышались нотки уважения, граничащего с сарказмом.

– Пока еще только в мечтах. Я хочу совершить турне по местам, где не ступала нога Ленина, – сообщил Трубопроводов, точно не зная, что означает слово «турне».

– И куда вы хотите отправиться?

– Я же сказал...

– Под то, что вы сказали, подходит любой уголок нашей планеты, но более, чем в одно место одновременно вы, при полном своем желании, не попадете, так, что...

Это, совершенно справедливое, замечание Августа к заставило Трубопроводова не на шутку задуматься.

– Конечно, – с жаром заговорил Август и К°, – хочется умчаться куда-нибудь за границу, на горные вершины, в джунгли, в каменные джунгли мировых столиц, но для этого нужны деньги и документы, которых у вас, молодой человек, не просто нет, но и никогда не будет, – после «но» его голос стал по-будничному практичным, – и это не должно вас расстраивать, – после «и» голос вновь приобрел патетическое звучание, свойственное юношам в творчестве Тургенева и гражданам молодой советской страны в раннем, советском же, кинематографе, – среди просторов нашей бескрайней Родины достаточно живописных мест, способных вскружить голову не одному десятку первопроходцев. Вслушайтесь в эти названия: Абакан, Актау, Джизак, Карши, Кокшетау, Луцк, Навои, Нукус... Неужели они не пробуждают в вашей юной душе непреодолимое стремление мчаться вслед собственной мечте в бескрайнее никуда?

Август и К° сделал паузу и посмотрел на Трубопроводова, в точности, как тот тип с плаката «Ты записался добровольцем?». После паузы устами Августа к вновь заговорил практик:

– Но, вся эта романтика, молодой человек, похожа на снежное покрывало, которое, растаяв весной, открывает взору незадачливого путешественника нашу, далеко не романтическую действительность, а именно: грязь, комаров, просто невыносимое обслуживание, мудаковатость ментов и массу других штрихов, из которых и состоит наша провинциальная унылость. Конечно, – вновь воодушевился Август и К°, – можно сделать невероятное и отправиться в Санкт-Петербург, чтобы, бросив вызов всем историческим условностям... Но (интонация практицизма), опять же, у вас нет необходимого опыта. Остается только одно.

– Что?

– Москва! – рявкнул Август и К°, ставший похожим на генерала, отправляющего свою армию в бой.

– Москва? удивился Трубопроводов, – мне кажется, это...

– Банально? – хитро спросил Август и К°.

– Что-то вроде того.

– Весь фокус в том, что я предлагаю вам отправиться в ТУ Москву, по которой не ступала нога Ленина, а это далеко не нынешний гадюшник, о котором известно любому, торгующему овощами, азербайджанцу. Вы согласны?

– Да, – согласился Трубопроводов, поняв, что иного выбора у него нет.

– Тогда на Москву! – рявкнул Август и К°, взмахнув воображаемой саблей.

Его крик вспугнул стаю, пирующих на свалке, ворон. Тысячи птиц разом поднялись в воздух и полетели в сторону остановки, оставляя за собой характерный след на земле.

Не успел Трубопроводов опомниться, как Август и К° вырулил из сарая на маленьком фанерном самолете, собранном, судя по его состоянию, еще накануне Первой мировой войны.

– Объявляется посадка на рейс номер... – забубнил Август и К°, открывая дверь пассажирской кабины самолета.

Пункт прибытия был, как две капли воды, похож на пункт отправления и, если бы не несколько незабываемых часов, Трубопроводов мог бы поклясться чем угодно, что ни в какую Москву он не летал. Однако, полет был, и еще какой! Угловое суденышко болтало в небе, как дерьмо в унитазе во время смыва. Трубопроводову казалось, что полет вот-вот закончится движением к земле с ускорением свободного падения, но Август и К° совершил невозможное: он не только довез пассажира живым до Москвы, но и мягко посадил своего пилотируемого монстра в поле возле сарая.

Московский вокзал был абсолютно точной копией (название родного города удалено Трубопроводовым) вокзала. На том же расстоянии от точно такого же сарая была свалка, на которой пировали точно такие же вороны. Точно такой же ветер доносил точно такой же аромат бренности. И, если бы Трубопроводову дали задание отыскать некоторое число отличий, он бы не справился с этим заданием.

– Добро пожаловать в Москву! – официальным тоном произнес Август и К°, подавая трап.

– Это что, Москва? – удивленно спросил Трубопроводов, который ожидал увидеть все, что угодно, но только не такую дыру.

– Она самая, – ответил Август и К°, – Москва, по которой не ступала нога Ленина.

– Но...

– С целью адаптации путешественников наша компания создала единую сеть совершенно идентичных аэровокзалов по всему миру, – прокомментировал Август и К° голосом экскурсовода, которого тошнит от своей работы. Затем он забрался в самолет, закрыл кабину и взмыл вверх, оставив Трубопроводова наедине с его сомнениями.

Оставшийся один Трубопроводов почувствовал себя Робинзоном Крузо, остров которого, в одночасье, решил стать последователем Атлантиды. Будущее, олицетворяемое свалкой, казалась ему страшным, безысходным и унылым и, на фоне этой безысходности, даже гневный облик Валюши выглядел родным и близким, но их разделяли многие километры, а последний мост, в виде самолета Августа и Ко, взмыл в небо.

Прочувствовав это, Трубопроводов сел в кресло и обхватил руками голову. Он был в отчаянии.

– Привет, – услышал Трубопроводов.

Он не заметил, как к нему подошел человек, как две капли воды похожий на Максима Максимовича из магазина перпендикулярной литературы. Если бы не недельной давности щетина (Максим Максимович был гладко выбрит), Трубопроводов решил бы, что перед ним появился продавец собственной персоной. С бородой гармонировали волосы, давно не видевшие расческу, старые джинсы и демисезонное пальто, явно, прожившее долгую и интересную жизнь.

– То, что я – это Ты, еще не значит, что ты – это я, – произнес незнакомец заговорщицким тоном и посмотрел в глаза Трубопроводову совершенно безумным взглядом.

Только психом мне здесь не хватало, – подумал Трубопроводов, – интересно, он не буйный?

Незнакомец извлек из бокового кармана пальто вполне приличную визитку.

«ТЫ. ПРОВОДНИК, ПОЛУПРОВОДНИК, ДИЭЛЕКТРИК» – значилось на ней.

– Договор заключать будем? – зловеще поинтересовался он у Трубопроводова, впавшего в ступор.

– Значит, будем, – констатировал Ты, не дождавшись ответа.

Он достал из того же кармана мятый лист бумаги, на котором красивым каллиграфическим почерком было выведено несколько иероглифов.

– Это договор, согласно которому я поступаю в твое распоряжение в качестве гида и секретаря. Деньги уже уплачены, так, что, подписывай вот здесь, – он, не глядя, ткнул на мажорным пальцем лист бумаги, – и будем отсюда выбираться. Ты же не хочешь остаться здесь навсегда?

Трубопроводову совсем не хотелось оставаться здесь навсегда, поэтому он, без лишних вопросов, подписал документ, решив, что так, в любом случае, будет лучше.

– А теперь пошли, – засуетился Ты, пряча в карман договор, – нам надо успеть на транспортный терминал до прихода Такси. Не отставай.

Сказав это, Ты нырнул в кусты, через которые проходила чуть заметная тропинка, густо усеянная коровьими лепешками. К тому моменту, когда они выбрались к транспортному терминалу, замшевые туфли Трубопровода покрывал толстый слой коровьего говна, что совсем не способствовало поднятию его настроения.

Транспортным терминалом была автобусная остановка, расположенная, что называется, в чистом поле. Никаких признаков дороги вокруг не было. Кроме пустой бутылки из-под портвейна и пары старых одноразовых стаканчиков, в помещении транспортного терминала не было почти никаких признаков жизни. О том, что сюда забредают люди, говорил лишь сильный запах мочи и шедевры местной настенной живописи. Стены были исписаны обычными для таких мест словами из трех букв, грубыми рисунками мужских и женских органов, а также афоризмами и стихами, большая часть которых, я уверен, читателю отлично знакома.

– Интересно, почему так случилось, что наши дикие пещерные предки оставили после себя, пусть и незатейливые, но вполне живые и совсем не пахабные рисунки, тогда как наши, более культурные, современники способны только на эту дрянь? – со вздохом произнес Трубопроводов, которому стало вдруг обидно за культуру, практическим примером которой была роспись транспортного терминала. Он представил себе археолога из будущего, откапывающего подобные терминалы, разбросанные по всей стране.

– Думаю, здесь сказывается влияние религии. Древние художники были более естественны в своих биологических проявлениях, поэтому их кругозор не загромождали раздувшиеся от христианской греховности гениталии, – ответил Ты.

Поразмыслив, Трубопроводов решил, что это замечание не лишено смысла. Следов такси у терминала не наблюдалось, и, чтобы как-то убить время, Трубопроводов начал изучать творчество современных московских наскальных художников.

Одно из стихотворений говорило, даже, о том, что его автор, пусть даже мельком, был знаком с поэзией. Это была вариация на пушкинскую тему:

Ё..ем няню в рожу кружкой
А потом еще веслом.
По п. де и по сопатке,
Чтоб не щелкала е. ом.

Подъехала старая «Волга» с коряво написанным от руки словом «Такси» на багажнике и капоте.

– Опять провинциал? – поморщившись, спросил водитель, глядя на туфли Трубопровода.

– Первооткрыватель, – гордо сообщил Ты, словно он и сам собирался, или уже открыл, что-то важное, прославившее его имя в веках.

– Ну, тогда ладно, – буркнул водитель, – куда ехать?

– В гостиницу.

– В гостиницу? Я же говорил, провинциал. Зачем было мозги пудрить?

Возможно, в другом месте и в другое время Трубопроводов зарядил бы ему по роже, но он был настолько подавлен, что хамство столичного таксиста его совершенно не задело.

Гостиница «Столичная» была похожа на отделение милиции после налета боевиков. Дверь висела на одной петле. Расположенные, прямо у входа, мусорные ящики выглядели так, словно в них взорвалась граната. Стены вестибюля, когда-то покрашенные зеленой краской, были изрешечены пулями, выпущенными самым страшным из террористов – временем.

Администратор, здоровенная бабища в несколько центнеров с гектара, забрала у Трубопроводова паспорт. Взамен она всучила ему карточку постояльца и ключ от одноместного номера.

– До регистрации из гостиницы лучше не выходи. Проголодаешься – буфет на третьем этаже. Вопросы есть?

Вопросы у Трубопроводова, конечно, имелись, но он был настолько вымотан путешествием, что решил оставить их на потом.

В номере орудовала уборщица – маленькая тощая старушонка, похожая на ведьму из историй про гоблинов. Трубопроводов нерешительно остановился у порога.

– Провинциал? – злобно спросила старушенция, глядя на его туфли.

Трубопроводов не стал с ней спорить.

– Ну, чего стал, входи, – буркнула она.

Трубопроводов снял туфли и вошел внутрь.

С учетом «Столичной» убогости, номер был, почти, даже, ничего. Комната оказалась достаточно просторной, чтобы вместить санузел, кровать, шкаф, тумбочку, стол со стулом, шкаф, Трубопроводова и уборщицу с аксессуарами. Пахло анашой и, почему-то, карболкой. Правда, шкаф был работы последователя Пикассо, тумбочка облезлой, а кровать детской. Зато, был персональный санузел – туалет и душевая кабинка. Правда, он был расположен у изголовья кровати, а отделяющие его от жилого пространства стены были сделаны из прозрачного и совсем даже не тонированного стекла.

– А это еще что за авангард? – удивился Трубопроводов.

– А это чтобы не водили кого попало, – пояснила уборщица. Она хотела еще что-то сказать, но Трубопроводов зевнул во всю пасть.

– Извините, – сказал он, – я сильно устал и хочу спать.

Пробурчав что-то, типа, «понаехали», уборщица покинула поле боя.

Уставший Трубопроводов вымыл туфли и лег спать.

Но выспаться ему так и не удалось. Едва рассвело, в номер ввалились двое в штатском, которым откровенно не хватало френчей, усов, трубок и грузинских профилей.

– Трубопроводов Максим Олегович? – строго спросил один из них.

– Да, а в чем, собственно, дело?

– Одевайтесь. Через час у вас обязательная регистрация. Вам разве не сообщили?

– Боюсь, вчера я не обратил на это внимания.

– Москва – это не тот город, где можно позволять вниманию шляться, где попало, – назидательно сказал второй.

Трубопроводов оделся, и они вышли из гостиницы.

На улице было туманно, холодно и грязно. Москва встретила Трубопроводова Великим и Могучим Срачем, наверное, столь же Великим и Могучим, как бывшая мощь Советского Союза, но, в отличие от былой мощи той страны, Срач не был эфемерен. И свою реалистичность он доказывал, буквально, на каждом шагу. Трубопроводов даже подумал, что Москва была приложением к свалке, встречающей первопроходцев в каждом аэровокзале «Авиаперевозок Августа и К°».

– Можно подождать автобуса, но можно и прогуляться, вы как? – поинтересовался один из конвоиров.

– Это далеко? – уныло спросил Трубопроводов.

– Не больше двух остановок.

– Тогда лучше пешком, – ответил за него другой конвоир.

Регистрацией почему-то занимался не паспортный стол и, даже, не отделение милиции, а райЗАГС, который назывался Дворцом гражданских оправлений.

Парадная дверь этого нелепого здания была заперта и Трубопроводова ввели через черный ход, ключи от которого имелись у одного из конвоиров. Протиснувшись в узкий дверной проём, они оказались в пыльном коридоре, заканчивавшемся широкой лестницей, на которой пригелась, довольно-таки свежая, ковровая дорожка, и остановились у Зала гражданских оправлений.

– Подожди здесь, – сказал один из конвоиров Трубопроводову, указывая на полинялый стул у стены, напротив двери, – мы скоро. Найдем только администратора.

Вернулись они минут через двадцать в сопровождении неопределенных лет женщины с идиотской и, одновременно, счастливой улыбкой на лице. Её волосы были растрепаны, косметика размазана по лицу, а одежда... Не глядя на Трубопроводова, она прошмыгнула в зал. Конвоиры торжественно встали по обе стороны двери и вытянулись по струнке, точно почетный караул.

– Прошу вас, господин Трубопроводов, – сказал один из них, открывая дверь.

Зал был похож на любой другой зал бракосочетаний среднестатистического ЗАГСа. Администратор уже успела привести себя в порядок. Она ждала Трубопроводова в центре зала, улыбаясь ему тошнотворно-казенной улыбкой.

– Уважаемый господин Трубопроводов, – торжественно произнесла она, уткнувшись носом в шпалгалку, вложенную в красную папку, – позвольте поздравить вас с вступлением в сердце нашей Родины, город-герой Москву! Помните, что Москва – это не просто город, а город городов! Вы регистрируетесь в качестве Столичного Первопроходца, о чем и свидетельствует ваше регистрационное удостоверение. От всех жителей Москвы я желаю вам удачного пребывания в столице нашей Родины. Надеюсь, что вам здесь понравится и вы навсегда сохраните в своем сердце частичку любви к нашему городу. А это вам от нашего Мэра, – сказала она, вручая ему ириску, когда он подписался напротив своей фамилии в журнале и получил удостоверение.

Первые московские впечатления Трубопроводова дошли до нас в своем первозданном виде исключительно благодаря вмешательству Ты, который в нужном месте в нужное время сумел подобрать нужные слова.

– Я бы, на твоём месте, начал писать заметки о Москве прямо сейчас, – сказал он Трубопроводову сразу же после регистрации, – пока твои впечатления еще сохраняют свежесть стороннего наблюдателя. Причем, писал бы сразу на чистовик без какой-либо редакторской правки. Конечно, это отпугнет, так называемого, искушенного в филологии читателя, который «знает», как надо писать слова, ну, да, и хрен с ним. По мне, так, редактирование – это замена истины ложью, такое же лицемерие, как приличное поведение. Думаешь, кому-нибудь было бы дело до того же Сократа, будь он «приличным» человеком?

Трубопроводов не был знаком с биографией Сократа, но имя слышал, и, даже, несколько раз, поэтому слова Ты его убедили. Так появились «Записки о Москве стороннего наблюдателя»:

В Москве, и этим она не отличается от других городов, очень популярны социальные шоу, которые проходят здесь на специальных стадионах. Билеты стоят бешеных денег, но они

того стоят. Конечно, представлениям иногда не достаёт европейского размаха, как, например, у Парижского шоу, во время которого дикие орды эмигрантов жгли, крушили и ломали все на своем пути прямо на улицах города, но меня это даже радует. Возможно, это потому, что я не из тех, кто хотел бы оказаться среди участников массовых игр вроде «Скины против кавказских племен» или «современный крестовый поход». Иногда, правда, бывает и откровенное фуфло вроде надоевших всем футбольных бесчинств, шахтерского рэпа или «пенсионеров, требующих подачек». Ну, да, у каждого свой вкус.

Что меня поразило, так, это совершенно особенное отношение к правилам дорожного движения. Особенно приятно было узнать о Постановлении № 612 от 15.06.99 г. «О регулировании численности велосипедистов». Велосипедистов в Москве можно отстреливать! Правда, только из луков и только на проезжей части. Для этого достаточно приобрести относительно недорогую лицензию. Услуги таксидермиста стоят тоже вполне доступно, так, что, в случае удачной охоты можно заказать себе чучело или одну только голову трофея, которым можно потом похвастаться перед друзьями.

К деторождению здесь тоже особое отношение. Похоже, московские власти нашли способ ликвидировать вопиющее сексуальное бесправие, царящее в других городах нашей Родины, не говоря уже об отравленном феминизмом Западе.

Что мы обычно наблюдаем? Если ты гетеросексуальный мужчина – ты никто. Твое мнение никого не интересует. Все решает ОНА. Даже, если ты терпеть не можешь детей и, вообще, не хочешь, даже когда-либо, становиться папой, любая самка, с которой ты имел дело ради мимолетного удовольствия, может не только наградить тебя маленькой сруще-вопящей тварью, но и потребовать от тебя за это денег. Ты можешь сколько угодно твердить о форс-мажорных обстоятельствах: так, лопнувшая резина, фальсифицированные таблетки, плохо установленная спираль, откровенный обман партнерши... Тебя никто не станет слушать. Только ОНА может решать, рожать ей или не рожать. И, если она родит, ты должен будешь отстегивать ей и этой, совершенно не нужной тебе твари, приличную сумму денег в течение 18 лет. Единственной альтернативой этому безобразию является физическое устранение ненавистного детеныша, но за это тебе могут впаять хороший срок!!!

В Москве все поставлено совершенно иначе. Здесь для того, чтобы родить ребенка, необходимо письменное заявление обоих родителей, которые добровольно обязуются воспитывать и содержать ребенка до тех пор, пока он не встанет на ноги. Если женщина решает рожать по своей личной инициативе, воспитание ребенка ложится только на её плечи. Если же мужчина категорически против, он может потребовать прерывания беременности в судебном порядке. Женщине, кстати, тоже никто не запрещает делать аборт. Нарушение этого законодательства, а, также, недостойное отношение к детям наказываются стерилизацией. А, в случае жестокого обращения с детьми, стерилизацией без наркоза.

Здесь также не жалуют тех паразитов, которые, рожая дюжинами детей и, не имея средств на их содержание, требуют (не просят, а именно требуют) от государства бесплатное жилье соответствующего метража и денежное пособие. Их тоже стерилизуют и отправляют на принудительные работы, чтобы им было на что содержать уже родившихся деток.

Не менее серьезное отношение здесь и к воспитанию детей. В Москве ты не встретишь вопящих под окнами маленьких чудовищ, которые ведут себя, как захватившие чужой город варвары. Для них здесь оборудованы специальные детские площадки с песочницами, каруселями, футбольными полями, павильонами для игры в «войнушки» и так далее. Вне детских площадок выгуливать детей разрешается только в звукопроницаемых намордниках и на поводках.

Сорвавшихся с цепи, сбежавших из дома или просто бесхозных детей отправляют в детские лагеря, где по прошествии определенного срока, если не удастся найти нерадивых или новых, приемных родителей, их усыпляют. Поэтому в Москве нет беспризорников.

Политическое устройство Москвы тоже заслуживает нескольких слов.

Начну с того, что выборы здесь проходят путем СМС-голосования. Это значительно упрощает, а, следовательно, и удешевляет сам процесс. Законопроекты могут вносить любые граждане Москвы при помощи того же механизма СМС-самоуправления. Очередность рассмотрения законопроектов регулирует генератор случайных чисел. В случае принятия законопроекта в очередном чтении он же, при помощи специальной программы, вносит от лица депутатов поправки... Для того, чтобы избежать коррупции в виде торговли голосами, этот же генератор определяет результаты голосования.

Подобное законотворчество позволяет принимать честные, принципиальные законы, лишённые той убийственной «мудрости», которыми нас регулярно радуют наши народные избранники.

Депутатами, обычно, избираются уроды, что, увы, не является исключением, но уроды особенные, которых специально выращивают для политической карьеры. Политиками здесь рождаются. Столичные виртуозы-акушеры, по просьбе родителей, парой легких движений щипцами превращают обычного младенца в будущего избранника или, даже, мэра. Такой подход лишает серых безликих людей возможности прорываться в верхние эшелоны власти. У каждого депутата или министра свое индивидуальное лицо. Заседания МосГорДумы транслируются по специальному телеканалу и пользуются огромной популярностью. Зрелище уродов, ратующих за страну, надо сказать, является презабавным.

Возможно, Трубопроводов оставил нам значительно больше подобных заметок, если бы его не прервали представители московской милиции, ворвавшиеся к нему в номер.

– Трубопроводов Максим Олегович? – строго спросил его один из них.

– Да, а что?

– У нас предписание на ваше задержание, – сказал он, сунув под нос Трубопроводову какую-то бумажку, больше похожую на бесплатный талон для посещения туалета.

– Я могу хоть одеться? – спросил Трубопроводов, на котором были только семейные трусы и майка.

– Об этом не может быть и речи, – оборвал его милиционер.

Трубопроводова заковали в наручники, затем, схватив под руки, потащили вниз, где у входа в гостиницу ждал преклонного возраста «Уазик».

В отделении милиции, которое занимало здание бывшего детского сада, Трубопроводова швырнули в толпу таких же, как он бедолаг, ожидающих своей участи перед дверью с нарисованным на ней цветочком и номером 21. Все, кроме сотрудников милиции, разумеется, были в наручниках.

В расположенном напротив кабинете судебных исполнителей несколько представителей этой профессии беззастенчиво пользовали в задницу какого-то мужика, покрытого татуировками в виде церквей, куполов и прочей тюремной атрибутики. Это незатейливое действие снималось на видеокамеру.

– Жди, – приказал Трубопроводову милиционер, – тебя вызовут.

– А можно мне в туалет? – робко спросил тщедушный очкарик в пижаме.

– Может, тебя еще ногами не бить? – отреагировал милиционер.

Очередь двигалась, довольно-таки, быстро. Примерно через каждые три минуты открывалась дверь и симпатичная барышня в звании сержанта приглашала очередного задержанного. Обратно из кабинета никто не выходил.

– Что-то похожее было в Освенциме, – сказал старый еврей своему соседу, такому же старому еврею.

– Не говорите, – согласился тот.

Наконец, в кабинет вызвали Трубопроводова. Там было трое милиционеров, старшим из которых был майор, и барышня. С Трубопроводова сняли наручники, сняли отпечатки пальцев. Затем его сфотографировали в фас и профиль.

– Трубопроводов Максим Олегович, – строго сказал майор, – с 12 часов сегодняшнего дня вы объявляетесь во всероссийский розыск. А теперь вы свободны.

– Но, за что? – удивился Трубопроводов.

– Увести, – рявкнул майор.

К Трубопроводову подскочила барышня в звании сержанта. Схватив первопроходца за руку, она подвела его к двери с надписью «выход» (в кабинете было несколько дверей). Затем, открыв дверь, она профессионально пнула его ногой под зад с такой силой, что он кубарем вылетел из кабинета прямо во двор отделения милиции, где, под грибком в песочнице, его уже ждали Ты и Таксист.

– Надевай, – сказал Ты, кидая Трубопроводову халат и тапочки, – и пошли. До полудня не так далеко.

– Какого черта здесь происходит! – взвизгнул Трубопроводов.

Конечно, он взвизгнул бы совсем другую фразу, если бы не пара милиционеров, которые невдалеке любовно поглаживали свои дубинки.

– Не ори, – осадил его Ты, – пошли отсюда, быстро.

Он схватил Трубопроводова за руку и потащил к выходу.

В машине Ты объяснил ситуацию:

– Главным показателем эффективности работы правоохранительной системы является степень неотвратимости наказания. Другими словами, чем меньше преступлений остается безнаказанными, тем меньшее число людей захочет преступать закон. В идеале, за каждое преступление кто-то должен нести наказание. К сожалению, истинного преступника не всегда можно призвать к ответственности. И как поступать в этих случаях? В армии Золотой Орды за проступок одного человека казнили все подразделение. Большевики, гестаповцы и прочие уважаемые люди казнили заложников. Но все это только усугубляло проблему.

Существующая ныне в большинстве стран правовая система тоже оказалась малоэффективной. Конечно же, большую часть преступлений удастся раскрыть, но немало и таких, перед которыми правоохранительная система бывает бессильной. Это только в кино и на страницах книг судьба забрасывает в нужное время и в нужное место какого-нибудь гения сыска, который легко ставит все точки над «и».

На деле же все происходит иначе. К огромному сожалению добропорядочных граждан (исключение составляют разве что сами преступники, некоторые адвокаты и нечистоплотные защитники правопорядка), наиболее популярным среди правоохранителей стал следующий алгоритм действий: в случае, когда невозможно однозначно выявить и призвать к ответственности действительного виновника преступления, из числа подозреваемых выбирается козел отпущения или наиболее вероятный преступник, которого при помощи пыток и содержания в бесчеловечных условиях заставляют взять вину на себя.

Но и этот алгоритм действует не всегда. Очень часто правоохранителям приходится честно признавать себя побежденными. Пусть, даже, временно.

Подобное положение вещей:

– дискредитирует работников правоохранительной системы в глазах граждан;

– заставляет, даже законопослушных граждан, сплачиваться в борьбе с правоохранительными органами, а не сотрудничать с ними;

– позволяет истинным преступникам чувствовать себя, относительно, вольготно, стимулирует их совершать новые преступления и вовлекать все новых людей в преступные сообщества;

– создает целый класс неприкасаемых, в силу их общественного положения, связей и влияния, лиц...

То есть, создается та негативная обстановка, которую большинство из нас видит, что называется, невооруженным глазом.

Введение ЛИВОП или лиц, временно исполняющих обязанности преступников, позволило решить большую часть этих проблем.

И теперь, если у правоохранителей нет очевидной кандидатуры в преступники, к ним на помощь приходит генератор случайных чисел, который в произвольном порядке назначает ЛИВОП. При этом, на все время назначения, ЛИВОП автоматически лишается всех своих должностей, общественного положения и так далее.

В результате:

– ни одно преступление не остается безнаказанным;

– у сотрудников правоохранительных органов отпадает необходимость самолично искать козла отпущения;

– преступность в полной мере превращается в социальное явление. То есть, учитывая, что любой человек может быть признан виновным в любом нераскрытом, на данный момент времени, преступлении, охрана общественного порядка становится поистине всеобщим делом.

– любой, даже самый искусный преступник может быть признан статистически виновным, что значительно увеличивает вероятность наказания.

Другой проблемой является исполнение наказания. Так, один и тот же тюремный срок для врача, работника торговли, беспредельщика или профессионального уголовника на деле оказывается совершенно различным наказанием. Точно так же, как совершенно несравнимой является служба в армии призывника, офицера и генерала.

Учитывая эту особенность, для заправил преступного мира применяется процедура уравнивания, которая заключается в опущении или принудительном анальном сексе с преступником в пассивной роли. Процедура записывается на видео и демонстрируется в местах заключения.

– Но, это же дико! – воскликнул в благородном негодовании Трубопроводов.

– Вот что дико, – ответил Ты и весьма похоже изобразил рассерженную обезьяну.

Машина остановилась возле гостиницы. Расплатившись, Ты отпустил такси.

– На квартиру поедем на метро. Любой таксист обязательно тебя заложит, – объяснил он Трубопроводову.

До полудня оставалось чуть больше 20 минут.

– Ты что делаешь! – завопил Ты, когда Трубопроводов принялся лихорадочно собирать чемодан.

– Собираюсь.

– Никакого шмотья. Пусть думают, что ты сюда еще вернешься. Только деньги и документы. И забудь, что ты в розыске. Большинство преступников попадают, когда начинают паниковать. Ничего, сегодня перекантуешься на конспиративной квартире, а завтра пойдем запишем тебя на курсы акушеров.

– Какие ещё, нахрен, курсы?! – ошалел Трубопроводов.

– Думаешь, тебя кто-то будет искать на акушерских курсах? Ты хоть раз слышал, чтобы кого-то арестовали на курсах акушеров?

В вагоне метро Трубопроводов немного успокоился. Несмотря на то, что часы показывали час дня, на него никто не обращал внимания. Все были заняты своими маленькими делами и до объявленного в розыск первопроходца никому не было дела.

Конспиративная квартира оказалась не квартирой, а только комнатой в коммуналке на первом этаже с общим сортиром, кухней и душем. Комната была маленькой, а окно выходило во двор, где под самым окном стояла лавочка.

– Поживи пока здесь, – весело сказал Ты, – а там что-нибудь придумаем. Ладно, не буду надоедать. Пока.

Оставшись один, Трубопроводов лег на кровать. Спать не хотелось. К тому же, на лавочке за окном громко бубнили местные гримзы.

Думаю, что святая инквизиция, царская охранка, ВЧК, НКВД и гестапо потеряли в изобретателе лавочек под окнами ценнейшего кадра, который, будь у него возможность, изобрел бы еще не одну не менее изощренную пытку.

Мой дорогой читатель, если у тебя есть враг, который заслуживает того, чтобы оказаться в аду еще при жизни, сделай так, чтобы под окном у него появилась лавочка и, уверяю тебя, после этого любой Освенцим покажется ему раем.

Пытка лавочкой похожа на одну из тех пыток, которые на первый взгляд могут показаться ерундой, шалостью, тогда, как, на деле... С лавочкой под окнами может сравниться только тихая, немного даже приятная мелодия, которая звучит по 24 часа в сутки в одиночной камере. Или же, пытка, когда на голову через равные промежутки времени капает по капле вода.

Экзекуцию начинают, обычно, старые гримзы, которым не спится уже с пяти часов утра. На улицу они выползают к шести, усаживаются на лавочку и начинают своими мерзкими головами мусолить содержание какого-нибудь сериала, перемывать кости властям или поливать грязью соседей.

Чуть позже лавочку оккупируют дети. Эти начинают по ней скакать, громко стучать мячом об стену и визжать, как будто их кто-то режет.

Детей, обычно, сменяют бабки, которые после этих маленьких чудовищ кажутся ангелами, или же подростки. Последние вносят в пыточный репертуар сексуальную озабоченность, дебильное ржание и пахабный мат.

Ближе к ночи контингент взрослеет. Появляется пиво, иногда травка, иногда секс.

Ночью упившиеся алкаши начинают выяснять отношения. Все это длится часов до пяти утра. А уже в шесть...

Незаметно для себя Трубопроводов уснул.

Приснилась ему забавная собака, похожая на пуделя, но с ушами спаниеля. Она бегала по крыше дома и с радостным лаем охотилась на крыс. Крыс она жрала с таким же удовольствием, как новоизбранный депутат жрет икру в ведомственном буфете.

Закончив есть, собака прыгнула с крыши и, махая ушами, как крыльями, совершила плавную посадку на тротуар метрах в 20 от дома.

Проснулся Трубопроводов от детского крика. Ребенок орал у соседей за стенкой. На часах было 4 утра. Первым побуждением Трубопроводова было пойти к ним и придушить это чудовище. Но он и так был в розыске, к тому же, первопроходец и душитель чужих детей, пусть даже орущих на весь дом – это, всё-таки, не одно и то же. В итоге, вместо того, чтобы дать волю чувствам, он натянул на голову подушку и постарался утешиться тем, что это чудовище орет для всех, а, ради такого дела, можно и потерпеть.

Ближе к пяти выяснилось, что молодой отец первопроходцем себя не считает.

– Да, когда же он заткнется! – закричал папочка.

Затем послышался глухой удар. Трубопроводов отчетливо представил себе, как взбешенный отец впечатывает ребенка в кроватку.

– Перестань его бить! – завопила мамочка, – это же маленький ребенок!

– Тогда заткни его или я за себя не ручаюсь!

Трубопроводов вспомнил своего приятеля, который излечил дочку от крика при помощи магнитофона. Он записал её крик на кассету, а потом надел на неё наушники и врубил звук

на полную громкость. Девочка пришла в состояние стойкого изумления, но больше при нем не кричала. Правда, поговаривали, что она так и осталась навечно изумлённой. Ну, да, Трубопроводов не был экспертом в вопросах детской изумлённости.

А за стеной, тем временем, нарастал скандал. Воспользовавшись моментом, молодые супруги решили высказать друг другу все, что накопилось за недолгую совместную жизнь. Разумеется, подобное поведение взрослых совсем не способствовало тому, чтобы их ребенок успокоился и мирно заснул. Чадо разоралось так, что родителям стало трудно его перекрикивать.

– Заткнись, ты, сука! – закричал папочка.

Послышался еще один сильный удар и ребенок смолк.

Но теперь истошно завопила мамаша.

Трубопроводов представил себе, что сейчас приедет милиция, начнут спрашивать соседей, найдут его...

Одевшись, он тихонько вышел из дома.

Вырвавшись на свободу, Трубопроводов оказался в положении человека, который совершенно не знает, что с этой чертовой свободой делать. Им вновь овладело состояние Робинзона, оказавшегося на необитаемом острове. С той лишь разницей, что его остров кишел злобными хищниками в милицейской форме. В Москве начиналось утро и это обстоятельство немного обрадовало Трубопроводова, которому претила роль одиноко шатающегося по тёмным улицам человека.

Ему хотелось есть. В кармане было немного мелочи и он отважился заглянуть в кругло-суточный ларек. Там он купил пирожок и банку колы «Столичная».

В ближайшем скверике Трубопроводов сел на скамейку, откусил кусок пирожка и задумался. В голову ничего хорошего не лезло. Будущее рисовалось ему такое, что, хоть продавай сюжет Стивену Кингу. Если бы Иоанну Богослову довелось в своих пророчествах узреть мысли Трубопроводова, он бы выкинул свой Апокалипсис или отослал бы его в издательство детской литературы.

Воспользовавшись его задумчивостью, к Трубопроводову подбежал голубь и клюнул пирожок. Возмущенный наглостью этой вездесрущей птицы, Трубопроводов ловко пнул её ногой. Выполнив несколько фигур высшего пилотажа, голубь скрылся из вида в ближайших кустах.

Это происшествие стало, своего рода, инсайдом для Трубопроводова. Он осознал, что перед ним не какая-то там ужасная фантазмагория, а обычный жестокий мир цивилизованной или упорядоченной дикости, отличающийся от джунглей, разве что, более скверным воздухом. Этот мир населяли либо твари, которых можно есть, либо твари, к которым можно попасть на обед самому. Остальное – не более, чем декорации.

Весь мир – театр, и все такое
По сцене мечется герой
Оркестр не попадает в ноты
Такой вот, братцы, геморрой

И, словно в доказательство этих мыслей, к Трубопроводову подбежала маленькая собачка и ловко выхватила у него из руки остатки пирожка.

Разумеется, Трубопроводов попытался поставить опыт по изучению сравнительной характеристики полета голубя и собачки в равных условиях, но собачка вовремя отбежала на безопасное расстояние. Также, развитию научной мысли не способствовало наличие у собачки

ошейника с пристегнутым к нему поводком, другой конец которого держала человеческая рука.

Почувствовав себя истинным рецидивистом, Трубопроводов хотел, уже, было, наброситься на хозяина собачонки, но им оказался Ты.

– Привет, – сказал Ты, – тебя без ищеек хрен отыщешь.

Увидев Ты, Трубопроводов вскочил на ноги и запрыгал в пароксизме радости вокруг него словно собака вокруг хозяина, услышавшая слово «гулять». Неизвестно, что бы он еще выкинул, если бы не общественность в лице собачки, которая больно цапнула Трубопроводова за ногу. Преисполненный жаждой мести, Трубопроводов погнался за собакой, но Ты его остановил.

– Пошли быстрее, – сказал он, давая, тем самым, понять, что охота на собак окончена.

– Куда?

– В школу.

– В какую ещё, нахрен, школу? – удивился Трубопроводов.

– Ты, что, никогда не был в школе? – еще сильнее удивился Ты.

– Был, но...

– Тогда, какого хрена тебе еще надо?

Ты схватил Трубопроводова за руку и потащил к автобусной остановке, объясняя по дороге суть дела. Как выяснил Ты, на курсы акушеров было не пробиться – слишком многих преступников осенила мысль скрыться от правосудия именно там. Зато, он смог организовать Трубопроводову встречу со школьниками – все же лучше, чем болтаться без дела по городу.

– К тому же я нашел для тебя работу.

– Зачем мне работа? – удивился Трубопроводов.

– Это очень хорошая работа, но детали потом, – закончил Ты разговор, впихивая Трубопроводова в набитый тудящимися автобус.

– Но я же никогда не выступал перед школьниками, – вернулся к теме Трубопроводов, когда они планово покинули переполненное чрево транспортного средства.

– Первопроходец, – строго заметил Ты, – это человек, который всегда готов к тому, чтобы делать что-либо впервые. Так, что, можешь считать себя первопроходцем в школьных выступлениях.

Разговор был окончен, тем более, что впереди показалась школа, а возле школы их ждала дамочка, похожая на пересушенную воблу.

– Таисия Аполоновна, – представилась она, – завуч по внешкольной работе.

– А это, тот самый, выдающийся человек, о котором я вам рассказывал, – представил Ты Трубопроводова.

– А я вас представляла совсем иным.

– Боюсь, моя внешность бывает обманчива, – нашелся Трубопроводов.

– Пойдемте в зал, уже пора начинать, – предложила Таисия Аполлоновна, посмотрев на часы.

– Не вижу, что могло бы этому помешать! – торжественно изрек Ты.

– Но с собакой нельзя, – Таисия Аполлоновна робко попыталась воспрепятствовать проникновению четвероногого друга на территорию школы.

– Где вы здесь видите собаку? – совершенно искренне удивился Ты.

– А у вас, это разве не собака? – спросила она, показывая пальцем на собачку.

– Это аксессуар или часть образа. Вы, вообще, можете представить себе первопроходца без умного четвероногого друга и помощника?

– Первопроходец без пса, что министр без секретаря, – поддержал его Трубопроводов.

Пока Таисия Аполлоновна подыскивала нужные слова, Ты воспользовался ситуацией. Он крепко схватил Таисию Аполлоновну под руку и потащил её в школу. Трубопроводов последовал за ними.

Когда они вошли в актовй зал, зрители уже сидели на своих местах. Ты сел на свободное место с краю. Таисия Аполлоновна торжественно прошествовала с Трубопроводовым к трибуне. Заняв место у микрофона, она произнесла: Дорогие коллеги, дорогие родители и учащиеся! Позвольте представить вам выдающегося человека, путешественника и первооткрывателя Первопроходцева Максима Леонидовича, который, несмотря на свою занятость, согласился выступить сегодня здесь, перед нами. Передаю ему слово.

Все дружно зааплодировали, словно им уже заплатили за это по 300 рублей.

Трубопроводов не стал исправлять Таисию Аполлоновну, вместо этого он перешел сразу к делу:

– Здравствуйте, уважаемые педагоги, учащиеся и их родители, – начал он свою речь, – мне очень приятно видеть, насколько вам интересна наша нелегкая профессия, которая требует от человека мобилизации всех его сил. Первопроходец – это не спортсмен, не турист, не отдыхающий. Первопроходца не ждет номер в гостинице, туроператор и прочие атрибуты цивилизации. Первопроходец – это человек, который всегда и везде первый. Он отправляется туда, где до него не было ни единого... представителя его общества, – Трубопроводов вовремя вспомнил, что коренное население открываемых первопроходцами миров тоже было людьми, и что произнесение долгих и громких речей – это последнее, что он должен уметь делать, – поэтому, чтобы наша встреча стала продуктивной, я предлагаю вам превратить её в вечер вопросов и ответов. Вы будете спрашивать о том, что вас, действительно, интересует, а я постараюсь наилучшим образом ответить на ваши вопросы.

– Что заставило вас стать первопроходцем? – спросила барышня лет 12.

– Любознательность. Однажды я прочитал в книге, как Сократ посоветовал своему приятелю жениться. Если жена попадется хорошая – будешь счастливым, а если плохая – станешь как я, философом. Послушав его, я женился, и женился так, что стал первопроходцем.

Дальше были обычные, до банальности, вопросы с просьбой рассказать про самые интересные путешествия, было ли ему страшно, какие он любит чипсы, и какую музыку он слушает. Надо отдать должное Трубопроводову, он легко плыл по морю детской любознательности. Где привирал, где умничал, где ограничивался анекдотами...

То, что в этом море тоже бывают штормы, Трубопроводов понял, когда мальчишка лет 10 спросил:

– Скажите, а сколько скальпов вы добыли?

Пока Трубопроводов думал, как бы ответить на этот вопрос, мальчика выгнали из зала и послали домой за родителями.

Следующий малыш, который так и не понял, что нельзя задавать действительно интересные вопросы, с детской невинностью поинтересовался:

– А вы ели своих секретарш, товарищей или проводников?

– Это невозможно по определению. Дело в том, что группа подбирается так, что каждый человек является необходимым и незаменимым в своей области специалистом. Что же до секретарш... Так их не едят...

Трубопроводов уже хотел, было, сказать, что надо делать с хорошенькой секретаршей, но вовремя остановился.

После этого одна из учительниц, чтобы чуть умерить фантазию детей, спросила: Что вы думаете об образовании, и каким, по-вашему, должно быть образование в нашей стране?

И тут Трубопроводова понесло. Поняв, что его-то уж, по крайней мере, из зала не выгонят и за родителями не пошлют, он отдался вдохновению.

– Конечно, я не министр образования и, даже, не педагог, но с образованием я тоже столкнулся, причем, в роли получателя образования или объекта, на который образование и направлено. Так получилось, что, кроме школы, я окончил два института, не говоря уже о курсах повышения квалификации. В результате я понял, что всеобщее среднее с высоким образовательным уровнем – это дорогостоящие и вредные для здоровья понты.

Лично мне более 90 % того, что вбивали мне в голову, оказалось совершенно ненужным и, наоборот, тому, что в жизни было просто необходимо, меня не удосужились научить.

Почему всеобщее среднее – это понты? Да потому, что, кроме возможности заявить, что у нас все дети получают среднее образование, оно ничего не дает.

Почему дорогостоящее? Думаю, это и так понятно.

Почему вредное?

Обязательное образование делает процесс обучения чем-то похожим на тюремное заключение, обучение – на наказание или проклятие, а педагогов – на охранников или скорее, даже, на цепных псов. При этом, дети, которые планируют заниматься низко квалифицированным трудом, видят, и это совершенно естественно, в обучении исключительно бесполезную трату времени. Наиболее догадливые из них просто бросают школы и помогают родителям в полях, огородах, на стройках и за прилавками на базарах. Те, кто хочет получить специальное, но не требующее больших теоретических знаний, образование, попросту стараются отсидеть свой срок за партой, тратя, как можно меньше, сил и времени на учебу. Поэтому, вместо того, чтобы учить, действительно, тех, кто стремится к знанию, учителя сражаются с теми, кому оно не нужно, в принципе, и теряют последнюю категорию учащихся.

Постоянно усложняя программу, педагоги, в буквальном смысле, калечат детей, заставляя их, чуть ли не сутками, заниматься сначала на уроках, а, потом, и дома, что не может не влиять пагубно, как на детскую психику, так и на общее состояние здоровья. Особенно угнетает детей понимание того, что учить им приходится никому не нужную муть, которую может посчитать важной разве что извращенное сознание педагогического чиновника. Правда, некоторые дети достаточно рано понимают, что, вместо того, чтобы зубрить всю эту фигню, можно найти другой, более пригодный способ договориться с учителями. Именно эти люди, прошедшие в школе через школу межчеловеческих отношений, становятся преуспевающими бизнесменами, администраторами, инженерами, и так далее. А те, кто не понимает этого механизма, до сих пор удивляются, почему это троечники, покупающие оценки, добиваются всего, а отличники, честно прозубрившие весь свой срок, остаются никем, полностью лишившись в процессе обучения способности мыслить.

Как это ни странно, обучая детей всей этой общеобразовательной ерунде, учителя, ко всему прочему, мешают детям обучаться именно тому, что им действительно нужно. Учителей, и многие это понимают, фактически превратили в вампиров, высасывающих из детей по капле их драгоценное детство, их молодость и здоровье. Заставляя бездарно растрачивать время, система образования отнимает его у занятий спортом, у прогулок, у занятий любимым делом, которое, как знать, могло бы стать и делом всей жизни. И не надо бояться, что вместо изучения Пушкина или Державина, дети будут «болтаться на улице». На самом деле в этом нет ничего плохого. Думаю, многие согласятся с тем, что улица дает намного больше важных и полезных знаний о том, как устроен мир, чем большая часть гуманитарных предметов. К тому же, отсутствие необходимости до тошноты заучивать Пушкина, позволит людям впоследствии открыть для себя его творчество. Лично я, в настоящее время, с удовольствием читаю классиков только потому, что в школе ограничивался исключительно прочтением аннотаций к произведениям.

Изучение биографий таких людей, как Эйнштейн (не успевал по физике) и Менделеев (считался неспособным к химии) показывает, что эти люди достигли своих высот не благодаря, а вопреки системе образования.

Также, стоит отметить тот факт, что самая читающая и т. д. наша нация оказалась совершенно неприспособленной и неспособной создать, более или менее, приемлемые условия жизни, а бездуховные и узкоспециализированные жители западных стран легко справились с этой задачей.

Исходя из всего этого, я предлагаю:

Сократить обязательный уровень образования до уровня начальной школы. Понятно, что в современном мире необходимо уметь писать, читать, считать, а, также, иметь ряд элементарных навыков, без которых просто невозможно прожить... При этом, исключительно добровольном в порядке, детям нужно давать дополнительную интересную информацию, говоря, тем самым, что в мире знания есть немало волнующих тайн, а путешествие по его просторам может стать интересным и увлекательным приключением. Но отправиться в это путешествие смогут не все, а только те, кто докажет своей подготовкой, что «достаточно силен» для участия в такой экспедиции.

Следующий уровень (соответствует 9 классам) должен быть уже добровольным, причем, уже на этом уровне, наряду с общеобразовательными, должны быть специальные, с уклоном в определенные профессии, школы. Например, школа с ремесленным уклоном, с уклоном строительным, парикмахерским, и так далее... То есть, школы, которые бы выпускали квалифицированных рабочих различных отраслей.

Причем даже в общеобразовательных школах в обязательном порядке надо давать только те знания, которые действительно могут быть полезными. То есть, из обязательной программы необходимо исключить все то, что должен знать образованный человек только лишь для того, чтобы считать себя образованным человеком. Но это ни в коем случае не должно лишать особо любознательных детей возможности получать более высокий уровень знаний. Но это опять же должно быть добровольным и на факультативной основе.

Школьник должен видеть, что обучение – это привилегия, а не свалившаяся на голову обуза.

Следующим этапом должны быть специализированные колледжи, либо высшие школы, желательно, при вузах, в которые выпускники этих школ хотят поступить.

Эта система позволила бы собрать в классах исключительно заинтересованных в своем дальнейшем образовании людей, повысить уровень преподавания, улучшить отношения ученик–педагог.

К сожалению, некоторые немаловажные факторы, способные заставить людей повышать свой общекультурный уровень, находятся за пределами возможности системы образования.

Речь идет о таких вещах, как:

Во-первых, повышение авторитета учителя, для чего нужно повысить престижность этой профессии среди молодежи. Это возможно лишь при должной системе оплаты учительского труда, которая увеличит конкурс в педагогических институтах и позволит учителям стать именно учителями, а не вымогателями и тиранами, которыми им приходится быть сейчас.

Во-вторых, повышение общекультурного уровня руководителей фирм, организаций и учреждений и, как следствие, изменение к ним отношения в социуме в лучшую сторону.

Но, об этом можно только мечтать.

– А ты молодец, – сказал Трубопроводу Ты, когда тот сошел со сцены, – настоящий мыслитель-первопроходец. Пошли. Машина уже ждет.

– Какая еще машина?

– «Волга». Пошли.

– Я никуда не пойду, пока ты мне не скажешь, куда ты меня втягиваешь на это раз.

– Оставайся, а я пошел, – сказал Ты, развернулся и пошел к выходу.

Трубопроводу ничего не оставалось, как пойти следом.

Возле школы стояла почти новая «Волга» белого цвета. За рулем сидел мужчина немного психопатической наружности. Этаким провинциальный Эйнштейн.

Ты представил друг другу мужчин. «Эйнштейна» звали Заполярный Евгений Георгиевич. Был он физиком-приборостроителем.

– Может, джентльмены, поговорим за столом? Лично я ужасно проголодался, – сказал Эйнштейн, пожимая руку Трубопроводову.

Трубопроводов тоже хотел есть, но у него не было денег, что немедленно отразилось на его лице.

– С удовольствием, – принял предложение Ты, которому было понятно выражение лица подопечного.

– Я предлагаю отправиться в «Золотую Зарю». Там делают необыкновенно вкусную солянку, – предложил Заполярный.

– У нас возражений нет, – согласился с ним Ты.

«Золотая Заря» оказалась замечательным кафе с видом на старое кладбище. Солянка, действительно, была великолепной. От неё не отставали и другие блюда.

Как объяснил Ты в туалете, куда они отправились с Трубопроводовым «помыть руки», Эйнштейну нужен был приличный человек, который мог бы присмотреть в течение месяца за его больной тещей. Эйнштейн предоставлял жилье, питание, плюс – обещал заплатить деньги. В общем, для Трубопроводова он был настоящим спасителем. Эйнштейн уезжал с семьей на симпозиум, посвященный его открытию, в Лондон или Париж, что, в принципе не имело никакого значения.

Когда они вернулись к столу, Ты ненароком завел разговор об открытии Эйнштейна. Это называлось «включить радио», или «перевести собеседника в режим монолога», что позволяло, в данном конкретном случае, спокойно поесть, не отягощая себя необходимостью поддерживать разговор или, еще хуже того, развеивать скуку.

Эйнштейн завелся, что называется, с пол-оборота.

– Думаю, вы достаточно образованные люди, и мне нет необходимости объяснять уже ставшие банальными истины о том, что мы существуем не в некоей объективной реальности, а в её модели, которую создает наше сознание, основываясь (предположительно) на данных, получаемых посредством органов чувств, – начал он свою речь, – это давно уже ни для кого не секрет. Не секрет и то, что наука, несмотря на технический прогресс, так и не смогла выйти за рамки этой субъективной модели. Ведь, если разобраться, то любой прибор по своей сути является приспособлением для домысливания. Так, измеряя что-либо при помощи приборов, мы видим перед собой стрелку индикатора, схему, график, или иную картинку, которая, мало того, что находится внутри нашей модели реальности, но и заставляет нас на основании её показаний домысливать сам процесс, происходящий при измерении.

Так, никто из нас никогда не видел и не увидит электромагнитное поле в чистом виде, однако, это не мешает всем нам сталкиваться с некими проявлениями, которые мы все дружно примысливаем электромагнетизму. Для нас это – неоспоримый факт. Таким же неоспоримым фактом для человека былой эпохи было бы то, что это колдовство, происки дьявола или знамение бога. Причем, нет никакой гарантии, что для человека из будущих времен не будет казаться таким же смешным и нелепым наше поклонение электричеству.

Другими словами, если в те же средние века главенствующей была религиозная парадигма и церковники строго следили за тем, чтобы всеобщее домысливание проходило исключительно в заданном направлении, то сейчас эту роль исполняет наука. Мы так устроены, что для стабильного существования нам нужна устойчивая в пространстве и времени всеобщая картина домысливания. Причем, совершенно не имеет значения, что лежит в её основе: наука, религия или что-то еще.

Стоит разрушить парадигму, или всеобщую картину домисливания, и мир рухнет. Порядок превратится в хаос. Наступит конец света, более ужасный, чем десяток термоядерных войн вместе взятых. Смена парадигмы возможна, но только в том случае, если новая парадигма или новая система домисливания полностью соответствуют необходимым требованиям. Другими словами, человечество может бороздить океан познания, только как лобковая вошь, совершая скачки от одного лобка-парадигмы на другой. Поэтому ученые точно так же, как когда-то попы, всеми силами борются с любой ересью, независимо от того, насколько она соответствует истине. И битва идет не за мнения, а за Мир, за порядок, за то, что мы видим собственными глазами каждый день.

Или вы думаете, что вселенные средневекового крестьянина, индейца и современного белого человека будут идентичны? Они не будут даже похожи.

Исходя из всего этого, Евгений Георгиевич Заполярный поставил перед собой цель: создать измерительное устройство, которое бы могло измерять несуществующие в нынешней парадигме или неизвестные нам параметры. И он создал свой заполярный измеритель – устройство, фиксирующее процессы, происходящие за пределом известных науке границ. Теперь ученым в срочном порядке предстояло домислить, что же на самом деле измеряет этот прибор.

Понятно, что жена и дочка бульдожьей хваткой ухватились за возможность погулять за казенный счет по Лондону или Парижу. И все было бы хорошо, если бы не больная теща, которая, вот уже шестой месяц, умирала в доме Заполярного.

– Ты не волнуйся, она не заразная, смирная, не кусается, – перешел к делу Заполярный, – но я боюсь, чтобы она не сделала мне какой-нибудь гадости. К тому же, она может умереть и оставаться в доме неопределенное время. Вы меня понимаете?

Трубопроводов его понимал, к тому же, Ты уже все за него решил и даже взял небольшой аванс.

– Прекрасное место! – восхищенно сказал Ты, выходя из машины, – настоящий рай, и всего в каком-то часе езды...

Место, действительно, было великолепным. Дом находился в хвойном лесу. Был он двухэтажным, деревянным, но теплым и крепким. Внутри дом был богато обставлен, но без китча. Кроме хозяйской тещи, которая, наевшись снотворного, дрыхла в своей комнате, в доме никого не было.

– Наверно, пошли по магазинам, – решил Заполярный, – надо же подготовиться к поездке. Чай, кофе или чего покрепче? – предложил он.

– Давайте сначала расставим точки над «и», – решил Трубопроводов, который терпеть не мог неопределенности.

– Мы, вроде как, все решили... – смутился Заполярный, – или вы...

– Я просто хочу окончательно прояснить ситуацию, чтобы потом между нами не было каких-то вопросов или недопонимания.

– А какие тут могут быть недопонимания?

– Как я понял, вы хотите, чтобы я здесь пожил во время вашего отсутствия, присмотрел за домом...

– Все правильно.

– Другими словами, я остаюсь здесь за сторожа, но не в качестве прислуги или сиделки.

– Ах, нет! За это можете не волноваться. Калиста Никоноровна вполне может сама за собой следить. Она женщина самостоятельная, ну, а если она даже и попросит вас поставить чайник, не думаю, чтобы это было обременительно.

– Такой вариант меня вполне устраивает.

– Ну, если вопросов больше нет...

– Есть просьба, – вмешался Ты, – мой друг – человек скромный, но ему не мешало бы купить себе тапочки, и все такое.

– Вам нужен аванс? – спросил Заполярный.

– Если вас это не затруднит, – ответил Трубопроводов.

– Совершенно. Кстати, я сейчас еду в Москву, так, что, если нам по пути...

– С удовольствием примем ваше предложение.

К Заполярным друзья прибыли, как раз, к обеду. Вся семья почти в полном составе сидела за столом. Жена Заполярного оказалась фифой, натужно корчащей из себя аристократку. Дочка тоже была фифой, но симпатичной.

С той настойчивостью, которая не признает никаких «нет», друзей усадили за стол, правда, они не особо и сопротивлялись.

– Калиста Никоноровна чувствует себя неважно, поэтому сегодня она обедает в постели, – сказала жена Заполярного, кивнув в сторону пустого стула.

– А что с ней? – спросил Трубопроводов, для которого этот вопрос не был праздным любопытством.

– Сложный случай, – ответил Заполярный, – врачи теряются в догадках.

После обеда жена с дочкой принялись прихорашиваться, Заполярный занялся уборкой, Ты отправился домой, а Трубопроводов – к себе в комнату. Больше всего ему хотелось завалиться спать, но сначала надо было попрощаться с хозяевами. Наконец, они отправились в аэропорт, и Трубопроводов смог отдаться в руки Морфея.

Проснулся Трубопроводов от невероятного стука, который, продлившись он еще немного, вполне мог бы развалить дом. Стучала Калиста Никоноровна, обитавшая в соседней комнате. Решив, что бабка уже отдает концы, Трубопроводов помчался к ней.

– Что случилось, Калиста Никоноровна? – испугано спросил он.

– Тебе разве не сказали, что я привыкла завтракать в восемь? – злобно глядя на Трубопроводова, спросила она.

– Ну и что? – удивленно спросил Трубопроводов, до которого не доходило, какое он к этому имеет отношение.

– Сейчас уже без пятнадцати восемь, а ты еще даже чайник не поставил.

– Знаете что, Калиста Никоноровна, – взбесился он, – хотите завтракать в восемь – вставайте и готовьте, а я привык спать, пока не проснусь.

– Я – старый, больной человек, и мне нужен уход.

– Я вам сочувствую, но ничем помочь не могу, – сказал он и, не слушая возражений, вернулся к себе.

Только он устроился в постели, бабка затарабанила вновь.

– Что еще? – спросил Трубопроводов, входя к ней в комнату.

– Раз уж ты собираешься травить меня голодом, включи хотя бы телевизор.

Маленький телевизор стоял у ног её кровати. Пульт лежал на тумбочке рядом.

– У вас пульт под рукой, – сообщил ей Трубопроводов.

– Я не знаю, как им пользоваться.

– Нет ножек – нет и мультиков.

В следующий раз Калиста Никоноровна дождалась того сладкого момента, когда только-только приходит первый пугливый сон.

Откровенно матерясь вслух, Трубопроводов ворвался в её комнату.

– Принеси мне воды, – попросила Калиста Никоноровна.

– Еще раз стукнешь – посажу на цепь! Понятно? – рывкнул он во всю глотку.

– Как ты со мной разговариваешь?! – завизжала она.

– Послушай, ты, карга старая! Будешь отравлять мою жизнь – утоплю в сортире, и все решат, что это несчастный случай. Ты поняла?

Трубопроводов был, буквально, на грани, отделяющий слова от действия, и Калиста Никоноровна, чтобы не искушать судьбу, молча повернулась на бок и укрылась с головой одеялом.

Понятно, что ни о каком сне уже и речи быть не могло. Проклиная Заполярных, Ты, старую каргу и тот день, когда черт дернул его отправиться в путешествие, Трубопроводов принялся одеваться. Еще на военных сборах в институте он освоил один вполне доступный способ снятия стресса: одеваешься, выходишь из дома и идешь, куда глаза глядят на максимально возможной скорости.

Как я уже говорил, место для прогулки было великолепным. Тишина и волшебство. Абсолютная тишина в плане ветра. Сосновый лес. Легкий туман, придающий лесу некую сказочную таинственность...

Лес, действительно, хранил сказочную тайну. Пройдя не более 30 минут, Трубопроводов вышел на полянку, сплошь поросшую истинной царицей полей. Сорвав несколько верхушек, Трубопроводов отправился домой, не забыв прихватить в ларьке пачку папирос.

Калиста Никоноровна демонстративно страдала от жажды и голода, запершись в своей комнате, что было, даже, и к лучшему. Разогрев духовку до нужной температуры, Трубопроводов сунул туда свой пробник. Комната наполнилась приятным запахом. Плохого настроения как ни бывало. Душа взлетела ввысь и принялась щебетать. Трубопроводов включил музыку, KMFDM, но, даже это, не заставило Калисту Никоноровну прекратить свой бойкот.

Когда трава достаточно хорошо подсохла, Трубопроводов забил стандарт, который выкурил прямо на кухне. Трава оказалась не то, чтобы совсем плохой, но для курения он предпочел бы что-нибудь получше – зачем растрачивать здоровье на всякую дрянь. Немного подумав, он решил наварить молока. Желая поскорей воплотить это решение в жизнь, Трубопроводов захватив сумку и секатор, отправился снова в лес. Домой он вернулся уже с сумкой полной. Сбежав в ларек за молоком, он приступил к делу.

На запах выползла Калиста Никоноровна.

– Что ты тут готовишь? – поинтересовалась она голосом умирающей.

– Варю китайский чай. Очень помогает при нервах, – ответил он.

– А на меня сварить?

– Как пожелаете.

– Конечно, желаю, – ответила она и, чтобы Трубопроводов не смог её обделить, осталась на кухне.

Когда молоко остыло, Трубопроводов налил в чашки грамм по пятьдесят. Остальное, чуть более литра, он убрал в холодильник.

– Это и все? – разочаровано спросила Калиста Никоноровна.

– Вам хватит.

Калиста Никоноровна осторожно понюхала напиток, потом сделала маленький глоток.

– А ничего, – сказала она, еще раз пригубив из чашки, – мне, даже, нравится.

Трубопроводов подходил к молоку более традиционно. Считая, что оно гадко на вкус, он выпил свою порцию залпом и запил уже чистым молоком.

– А можно еще? – спросила Калиста Никоноровна, незаметно для себя опустошив кружку.

– Поймите, мне не жалко, но это лекарство, так, что, давайте отложим добавку.

– Тогда я пошла к себе.

В ожидании кайфа Трубопроводов включил телевизор. Кайф, как истинный разведчик, пришел незаметно, и Трубопроводов понял, что его прет, когда телевизор, высморкавшись, принялся цитировать Пушкина. В паузах между цитатами телевизор зевал и брызгал слюной и даже подмигивал своим еще не совсем плоским экраном. А вокруг простиралась бесконечная металлоконструкция, уходящая за горизонт во всех четырех измерениях.

Из комнаты Калисты Никоноровны доносились голоса. Она оживленно спорила о чем-то со Сталиным.

– Тебе не кажется, что пора уже и пожрать? – хитро подмигнув, спросил телевизор, спустя несколько квантов времени.

– Ты, черт возьми, прав, – ответил Трубопроводов, – но я забыл, как ходить.

– Элементарно, Ватсон, встаешь и идешь.

– Но я не могу встать.

– Это тебе только кажется. Собери свою волю... Ты можешь. Ты же можешь... Встать!!! – рывкнул телевизор.

От неожиданности Трубопроводов вскочил с кресла.

– А теперь иди.

Обнаружив на кухне баллон меда, Трубопроводов схватил большую ложку и принялся жадно есть. От удовольствия он мычал, похрюкивал и даже мурлыкал. В эту минуту он чувствовал себя Винни-Пухом.

– Если я чешу в затылке, – бормотал он наполненным медом ртом, – понятно, какие у тебя там опилки, если ты так жрешь сладкое. Волшебный медведь Кристофена Робина. Хороший, видать, был мальчик, если хранил план в Пухе.

Ход его рассуждений прервало появление Калисты Никоноровны, ставшей похожей на забавную помесь крысы и гоблина. Увидев мед, она хищно зашевелила своими крысиными усами.

– Что, бабуля, на хавку пробило? – спросил Трубопроводов, всем телом растягиваясь в улыбке.

Калиста Никоноровна радостно закивала головой. Из её рта вытекла струйка слюны.

– Что я могу сказать... Бери ложку, – произнес Трубопроводов, чувствуя, что изрекает ИСТИННОЕ ОТКРОВЕНИЕ.

– У меня там высокий гость и все такое, – заговорщически хихикая, произнесла Калиста Никоноровна.

– Товарищу Сталину мы тоже дадим меда.

Трубопроводов налил в блюдце немного меда и зачем-то поставил его на пол.

Мед закончился предательски быстро. Трубопроводов с Калистой Никоноровной понимающе посмотрели сначала друг на друга, а затем и на Блюдце Сталина, в котором все еще был мед. Не стовариваясь, они опустились на колени и с диким воем бросились к блюдцу.

– Пупаньки, – сказали они в один голос, вылизав блюдце, и одинаково развели руками.

– Пора спать, – заявила Калиста Никоноровна, превратившись в кукушку от часов.

– Как скажешь, птица-хронометр, – согласился с ней Трубопроводов.

С огромным трудом добравшись до кровати, он рухнул в постель, проваливаясь в приятное забытье...

Вернулся к жизни он уже во второй половине дня. На кухне хозяйничал Ты, на плечи которого легла уборка следов преступления.

– Кофе будешь? – спросил он, глядя на то, как Трубопроводов в замедленном виде идет на кухню.

– А у тебя есть?

– Сейчас сварю.

На запах выползла из своей комнаты Калиста Никоноровна. Была она немного помята, словно всю ночь её где-то держали сложенной в несколько раз, но на лице у неё играла легкая улыбка.

– Хорошие люди эти китайцы, – задумчиво сказала она, садясь на стул.

– Кофе будете? – предложил Ты.

– Мне кофе нельзя, – грустно ответила Калиста Никоноровна.

- После китайского чая можно, – авторитетно заявил Трубопроводов.
- Тогда с удовольствием. А у тебя остался еще этот чай?
- Его лучше пить вечером, – сказал Ты.
- Тогда я пойду, посмотрю телевизор, – разочаровано сказала Калиста Никоноровна, удаляясь в комнату.
- А ты не хочешь немного китайского чая? – спросил приятеля Трубопроводов.
- Спасибо, не хочу.
- А без него я с ума бы сошел с этой гримзой. А так... – он хитро улыбнулся.
- Ладно, – сказал Ты, глядя на часы, – мне пора.
- Да ладно тебе, посиди еще.
- Нельзя. Начинается футбольный сезон.
- Ну и что? – не понял Трубопроводов.
- Ах, да, ты же не знаешь...

Никто не знает, где и когда зародилась эта замечательная игра, получившая в Москве название Милицейский футбол. Правила её просты. На поле выходят две команды игроков. В центре поля появляется объект задержания, в последнее время это какой-нибудь нелегал из стран Азии или с Кавказа. В годы советской власти в роли объекта часто использовались враги народа, а в Америке – негры. По сигналу судьи команды вступают в игру. Задача – используя только дубинки и ноги доставить объект в ворота противника. Будучи все, как один, поклонниками этой игры, сотрудники милиции прилагают все силы для того, чтобы сначала попасть в команду, а потом уже выиграть главный приз чемпионата. Для того чтобы поддерживать себя в форме, они постоянно тренируются на улицах городов и сел, а, непосредственно, перед чемпионатом тренируются на любом попавшемся на глаза подходящем объекте.

До начала чемпионата оставалось каких-то несколько недель, так что на улице без особой надобности лучше было не высываться.

Ужин состоял из яичницы и китайского чая, слегка подогретого в микроволновке. Трубопроводову готовить было лень, а Калиста Никоноровна вновь вся отдалась болезни. Она и к столу-то вышла только потому, что иначе осталась бы не только без ужина, но и без чая.

На это раз телевизор пустился в долгую полемику о значении смайликов в творчестве Тургенева и Павла Лунгина. Быстро устав от всей этой философии, Трубопроводов прилёг отдохнуть, но поспать ему не дала Калиста Никоноровна. Всю ночь она, как заводная, шагала по дому с воображаемым знаменем в руках, горланя пионерские песни. Под утро она совсем потеряла голос и её рот извергал пугающее до глубины души нечеловеческое шипение.

Уже светало, когда она, наконец, утомилась и пошла спать. Вышла из комнаты она только вечером следующего дня и сразу же спросила:

- А что мы будем есть?
- Жареную картошку, если вы её почистите, – ответил Трубопроводов, съевший несколько купленных в буфете пирожков.
- Я – старая больная женщина...
- Тогда – ничего, – прервал он её излияния.

Поняв, что спорить бесполезно, Калиста Никоноровна принялась за работу. После жареной картошки был чай.

Утром Трубопроводов, как ни пытался, не смог отделить сон от яви. Все, как обычно, началось разговором с телевизором, который, на этот раз, потянуло на притчи.

– Случилось так, – рассказывал телевизор, – что в одном царстве молодой, но могущественный царь, взойдя на престол, объявил себя богом. Конечно же, и до него, и после, в мире были цари, которые провозглашали себя богами. Но в том царстве, о котором идет речь, считалось, что сам бог слишком небеснолик, чтобы лично говорить с народом. Поэтому от его лица к народу обращался верховный жрец. Шло время. Цари сменяли друг друга на престоле. Цар-

ство росло, подминая под себя соседние территории. И вот, уже не только царь, но и верховный жрец, объявив себя наместником Бога, стал слишком небесноликим, чтобы обращаться напрямую к людям. За него стали говорить слуги или простые жрецы, которые тоже вскоре причислили себя к миру Небес. Между безмолвным миром богов и народом оставались только мелкие чиновники, ставшие полноправными хозяевами того царства. Это положение не устраивало только народ и кое-кого из богов. Но народ боялся восстать против своих небожителей, а боги вынуждены были молчать, так как им, при рождении, начали отрезать языки.

Потом был какой-то человек в дурацкой одежде, который, сидя, скрестив ноги, на ковре, рассказывал:

– Наш мозг сам ткёт реальность из окружающий нас иллюзии и мы видим, как морковь становится розой, которая, в свою очередь, трансформируется в драгоценность, но только затем, чтобы рассыпаться в прах. Такова природа вещей. И мы властны лишь сознательно следовать этой природе.

Каждому его слову сопутствовало соответствующее превращение. Морковка на глазах у всех (в доме были еще какие-то люди) превратилась в розу, затем в ювелирное изделие тончайшей работы, чтобы сразу же после этого превратиться в пыль...

Утром, чтобы окончательно не сойти с ума, Трубопроводов объявил субботник.

– Кто не работает, тот не ест – заявил он Калисте Никоноровне, – будем убирать дом.

– Тебе не стыдно заставлять меня работать? – спросила на всякий случай она.

– Это в терапевтических целях, – отрезал Трубопроводов, которому было не до стыда.

Весь день они драили дом. Вечером, почувствовав приятную усталость, они вместе приготовили ужин, во время которого допили остатки чая.

– Ты не мог бы достать травы? – спросил Трубопроводов Ты, когда тот в следующий раз заглянул в гости.

– Ты уже большой мальчик, и это не мое дело... Но тебе не кажется, что в жизни есть вещи не только важней, но и интересней, чем каждый день глушить себя лошадиной дозой наркотика.

– Да я уже и сам не хочу. Мне бабку жалко. Она почти уже на ноги встала, а тут...

Когда заполярные вернулись домой, они не поверили своим глазам. Умиравшая не так давно Калиста Никоноровна, гуляла с папиросой в зубах по двору и мило беседовала, причем это был диалог двух воспитанных существ, с соседским котом Маратом.

– Как вам это удалось? – с благоговейным чувством спросил Заполярный у Трубопроводова, играющего в шахматы с телевизором.

– Это еще проще, чем проиграть этой штуковине, – ответил Трубопроводов, которому еще ни разу не удалось выиграть у телевизора, – достаточно периодически снабжать её лекарством.

– А это не опасно? – спросил Заполярный.

– А что тут может быть опасного? – удивился Трубопроводов.

– Ты только посмотри, на эту благодать! – сказал Ты, останавливаясь возле дома, во дворе которого стоял огромный, настоящий деревянный сортир, – Знаешь, когда я впервые увидел его, я осознал, что если мы не попадем внутрь любым способом, можно считать, что жизнь прожита зря.

Это грандиозное деревянное сооружение, состояло из двух отделений – мужского и женского. Стоял сортир, разумеется, в глубине двора, но не заметить его было невозможно. Двор с сортиром находился ровно на полпути между домом Заполярных и железнодорожной станцией, так, что, Ты не мог его не заметить.

– Согласись, удобства обезличивают человека, – продолжил он, дав приятелю возможность насладиться этим великолепным зрелищем.

– С чего ты взял? – спросил Трубопроводов, скорее для поддержания разговора, чем из любопытства.

– Сам посуди. Что может рассказать о своем хозяине унитаз, в отдельной изолированной квартире со всеми удобствами, плюс туалетная бумага, если, конечно, тот не конченный засраец? Ни-че-го. Максимум, что можно узнать, так это сколько он выложил за свой трон, да, и то приблизительно. Другое дело – настоящий деревянный выгребной сортир с гвоздем для бумаги, на котором томятся в ожидании своей участи страницы из книг, журналов, газет.... Это сооружение, можно сказать, является истинным зеркалом человеческой души. Достаточно зайти в такой туалет, чтобы понять, чем человек дышит, что читает, над чем задумывается в минуты кишечного расслабления, что он пытается донести до своей истинной сущности, какими словами прикасается к самому центру своей души.

– Не слишком ли ты категоричен?

– Ничуть. Это было озарение, инсайд. Магомет увидел Коран, а я – этот сортир. И знаешь, что я сделал? Навел справки. Оказывается, в этом доме живет известный столичный мумуковед Ипатьев Сигизмунд Соевич, который регулярно устраивает у себя мумуковедческие семинары. Ты слышал когда-нибудь о Мумуки?

– Нет, – признался Трубопроводов.

– Я тоже ничего о нем не слышал, но, на всякий случай, записал нас на очередной однодневный семинар, который начинается завтра утром. Сигизмунд Соевич любезно согласился предоставить нам на ночь кров, так, что, сегодня мы живем с тобой здесь. Я уже все оплатил. Идем.

Взяв Трубопроводова под руку, Ты повел его в дом. Их встретил высокий видный мужчина приятной гетеросексуальной наружности.

– А вы, надо понимать, тот самый выдающийся первопроходец? – спросил он у Трубопроводова, пригласив их в дом.

Не зная, что сказать, Трубопроводов замялся.

– Вот ваша обитель, располагайтесь, – сказал Сигизмунд Соевич, приведя гостей в небольшую комнату, судя по всему, бывшую детскую. Там стояло две кровати, тумбочка и небольшой стол, – прошу простить за скромность обстановки. Надеюсь, хоть немного, компенсировать это ужином. Отказов не принимаю.

Надо заметить, что друзья и не собирались ему отказывать.

Ужин был обильный и вкусный. За столом хозяин расспрашивал Трубопроводова о путешествиях, и тому ничего не оставалось, как, краснея, пересказывать прочитанные когда-то книжки. Его ложь не смущала никого, кроме самого Трубопроводова.

– Скажите, а вы давно уже занимаетесь проблемой Мумуки? – спросил Сигизмунд Соевич, когда все трое перешли к сигарам и коньяку.

– Если честно, то, узнав о ваших семинарах, мы решили, что нельзя вот так, совершенно ничего не зная о Мумуки.

– Что ж, вполне похвальный интерес и вполне похвальная честность. Думаю, вы вполне можете получить необходимые начальные знания для участия в семинаре из брошюры, которую вы найдете в тумбочке. А теперь прошу меня извинить. Надо готовиться к семинару.

С удовольствием извинив Сигизмунда Соевича, друзья отправились к себе в комнату. Было еще относительно рано, но они забрались в постели. Ты взял брошюру.

– Почитать? – спросил он.

– Если не трудно.

– Краткое руководство для начинающего мумуковеда, – прочитал он.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩЕГО МУМУКОВЕДА

(очень краткий конспект)

Надо сказать, что то вопиющее незнание чего-либо о Мумуки, которое мы сегодня можем наблюдать практически во всех слоях общества, является более, чем серьезным, симптомом. Будучи прекрасным конспиратором и безжалостным хищником, Мумуки атакует свою жертву так, что та даже не подозревает о своем поражении в этой битве. Непосвященный в дела этого монстра человек и в свободном-то состоянии, практически, не способен распознать своего врага, а, попав в лапы к Мумуки, он превращается в полностью беззащитное существо. Дело в том, что, захватив свою жертву, Мумуки надевает нечто похожее на шоры на сознание жертвы, после чего человек всю оставшуюся жизнь влечит существование его покорного раба, даже не сознавая этого.

Так, кто же такой Мумуки? И что мы о нем можем знать? Несмотря на то, что Мумуки превосходно прячется в глубинах нашего сознания, кое-что о нем, все же, известно. С давних времен существовали антимумукские школы, которые позволяли людям противостоять этому демону-паразиту.

В традиции древних толтеков, как объяснял дон Хуан Карлосу Кастанеде, под Мумуки понимается тот искусственный разум, который нам насаждают летуны. В даосской и в дзен-буддистской традициях – это тот самый ум, который надо отбросить. В Христианстве – это демон-искуситель, а в сатанизме – дух человеческой глупости. Ницше говорил о нем, как о демоне тяжести...

В традиции дзен-терроризма Мумуки – это демон мозгового секса или такой информационно-энергетический паразит, средой обитания которого служит человеческое сознание. Мозговой секс – или секс между мозгами, названный в народе мозгооб...ом – это метод размножения Мумуки, который путем акта мозгового секса захватывает власть над все новыми и новыми сознаниями.

Как понять, что ты находишься под властью Мумуки или как диагностировать этот недуг? Вопрос очень сложный и не имеющий однозначного ответа. Но некоторые признаки заражения все же существуют.

Любой мозговой сексуальный акт с твоим участием говорит о том, что ты одержим Мумуки.

Одним из излюбленных мест его гнездования является наше эго. Отсюда следует, что:

- Если ты чувствуешь себя пупом земли – ты одержим Мумуки.
- Если, наоборот, ты страдаешь от ощущения того, что ты ничтожество – ты одержим Мумуки.
- Если тебя влекут вершины власти, или наоборот, если ты идешь по пути аскетизма и отречения – ты одержим Мумуки.

– Если ты знаешь, как должны себя вести окружающие и при любом удобном случае пытаешься наставить их на путь истинный – ты одержим Мумуки.

– Если ты постоянно имитируешь мозговой секс наедине с собой – ты одержим Мумуки.

Другим свойством Мумуки является отсутствие собственного лица, поэтому он всегда действует от имени жертвы. При этом Мумуки ни за что не может себе позволить выглядеть идиотом. Поэтому:

– Если ты боишься сделать глупость – ты одержим Мумуки.

– Если тебя заботит, как ты выглядишь в чужих глазах – ты одержим Мумуки.

– Если тебе важно быть настоящим мужчиной или настоящей женщиной – ты одержим Мумуки.

Как избавиться от Мумуки? Если ты уже одержим Мумуки, избавиться от него очень трудно. Для начала нужно ослабить его влияние. Для этого необходимо лишить его возможности заниматься мозговым сексом, причем, как сексом с партнером, так и сексом в режиме мастурбации. Для этого необходимо быть бдительным и каждый раз, когда Мумуки посредством тебя будет вступать в сексуальную связь, необходимо отслеживать этот процесс в мельчайших деталях. Со временем у тебя начнет получаться улавливать тот момент, когда Мумуки будет браться за дело. Достаточно тогда сохранить контроль над собственным сознанием, и Мумуки будет побежден.

На первых этапах сопротивления можно попросить помощи у близких, чтобы они сообщали, когда ты пытаешься вступить с ними в ментальную половую связь. Очень сильно в борьбе с Мумуки помогают такие дисциплины, как йога, медитация, тантра, дзен...

Дзен-террористы, также, применяют метод идиотизма, заключающийся в постоянном третировании Мумуки посредством внешне глупого поведения. Для начала, например, можно встать на голову и трижды пропеть гимн какой-нибудь африканской страны. В этом случае Мумуки будет шокирован и его можно будет попытаться изгнать 33-кратным повторением его имени.

Научившись обнаруживать Мумуки в себе, можно приступить к экзорцизму или помощи в изгнании Мумуки.

При этом, необходимо понять, стоит ли вообще это делать. Большинство людей ни за что не захочет избавиться от этого паразита, считая его чуть ли не главным своим богатством, поэтому любая попытка изгнания Мумуки будет встречена в штыки. А такие люди, как начальники и администраторы, вообще, культивируют в себе этого паразита.

Но близкому человеку, который тоже хочет избавиться от Мумки, помогать не только можно, но и нужно.

И здесь необходимо начинать с борьбы против анонимности.

Каждый раз, когда Мумуки пытается подмять под себя объект экзорцизма, следует громко закричать:

– Мумуки! Я знаю, это ты! Изыйди!

Обычно, на эту фразу одержимый отвечает взрывом гнева, но ни в коме случае нельзя отступать. На все его многочисленные аргументы следует отвечать следующим образом: необходимо немного вытащить язык из рта, принять важную позу и издать ртом пердящий звук. Повторять следует до тех пор, пока Мумуки не выбьется из сил.

– Я же тебе говорил! – довольно сказал Ты, закончив чтение.

– Ты о чем?

– Такие мысли могут прийти только в голову человека, который ходит в настоящий сортир.

Семинар начался утром, сразу же после зарядки и завтрака. Участников было человек пятнадцать. Все – мумковеды со стажем.

Первым в повестке дня значился доклад Самозванца Валерия: «Трактат о доскотской сущности туриста».

– Пойдем, – шепнул Ты на ухо Трубопроводову, когда зал перешел к прениям.

Выбравшись из дома, они поспешили в сортир. Это нелепое на первый взгляд сооружение на самом деле было продумано до мелочей. В сакральности замысла сортир ничем не уступал таким символам загадочности и успеха, как Сфинкс и пирамиды. Как я уже писал, сортир был разделен на два отделения: мужское и женское. В каждом отделении было по три удобных стульчака. Никаких перегородок между стульчаками не было, что позволяло посетителям не лишать себя роскоши общения. Возле каждого стульчака, на расстоянии вытянутой руки, была полочка, на которой лежали салфетки с напечатанным на них текстом.

А с внутренней стороны входной двери висел плакат, на котором крупными буквами, чтобы все могли разобрать текст, было написано:

ХАТХА, МЕДИТАЦИЯ НА УНИТАЗЕ¹

Лучшее место для медитации – туалет. Если у вас есть удобное туалетное сиденье и крепкий замок на дверях, не стоит и говорить о том, какие великие мысли могут прийти к вам в голову. Мартин Лютер мечтал о протестантстве, сидя на толчке в Уиттеноергском монастыре и мы знаем, каким большим это движение стало.

Нет места лучше, чем туалет, где человек был бы столь восприимчив к внешнему воздействию. На втором месте стоит погружение в тёплую ванну, на третьем – душ. Вот почему долгожданный телефонный звонок или звонок в дверь раздаётся именно при таких обстоятельствах. Чем беспомощней состояние человека, тем более восприимчив он. Обладая высшей степенью уединения, превосходящую ванную и душ, туалет непревзойдён в привлечении сторонних впечатлений и мыслей. Те, кто позволяют другим видеть себя принимающими душ и даже занимающимися любовью, обычно проводят черту и отказываются от зрителей в туалете. Туалет – самый священный рудимент изоляции, доступной в этой перенаселённой окружающей среде.

Давление на позвоночник снижается при восседании на троне, ослабляя, тем самым, духовное и физическое напряжение. Гениталии полностью обнажены и не стеснены давлением одежды. Если помещение достаточно звукоизолировано или шум снаружи, в достаточной степени, скрадывает звуки, доносящиеся из туалета, то можно испускать неречевые высказывания с любой интенсивностью, частотой и из любого отверстия. Инфантильное освобождение от того, что мы вынуждены сдерживать всё остальное время, доставляет как психологическое, так и физиологическое очищение желудка.

В таких благоприятных условиях для расслабления и восприимчивости мозг будет функционировать свободнее и шире охватит информационное поле. Многим читается лучше именно в туалете, ведь, гораздо легче поглощать одно, испуская другое.

Некогда я был знаком с престарелым отшельником с блестящим образованием, построившим миниатюрный замок в лесах северной Калифорнии. До выхода на пенсию он управлял большой сетью театров в Англии. После переезда в США он купил небольшой участок земли в лесу, где произрастали красные деревья, и сам построил сказочную крепость из подручных

---

¹ Глава из книги Антона Шандора Лавя «Записная книжка Дьявола»

материалов. Крошечные башенки и коньки возвышались над строением из дерева и камня, состоявшим из четырёх комнат.

Чтобы упростить водопровод и газ, он соединил кухню и туалет, установив плиту рядом с толчком. Тут же находился стол, за которым он обедал. Таким образом, не вставая с унитаза, он мог готовить себе еду, переставлять её на стол и принимать пищу. Соседи в округе называли его «грязным отшельником», несмотря на то, что он безупречно одевался и обладал высоко-развитым интеллектом. Когда же престарелый борец с предрассудками умер, его маленькая крепость была переделана, и сбоку к ней пристроили отдельный санузел.

Вероятно, строя совмещенные туалет и кухню, он хотел добиться большего, нежели просто удобства. Я часто задумываюсь – как много людей, будь у них возможность, согласились бы есть одновременно с опорожнением желудка. Каракалла, Диоклет и Нерон поступали не только так, но и шли дальше. Туалет важнее, нежели просто трон. Это святая комната.

– А теперь посмотрим, чем здесь живут, – сказал Ты, закончив издавать характерный ректальные звуки. Сорвав с гвоздя салфетку, он начал читать:

Психоделический опыт – это путешествие в новые сферы сознания. Границы и содержание такого опыта беспредельны, характерные черты его превосходят границы вербальных концепций, пространства-времени и индивидуальности.

Результат, расширение сознания, может быть достигнут различными путями:

«потеря чувствительности», упражнения Йоги, углубленной медитацией, религиозным или эстетическим экстазом, а также самопроизвольно, – не отрицая эффективности параллельных техник, стоит отметить наиболее простой и распространенный путь – употребление психоделических препаратов, таких, как ЛСД, псилоцибин, мескалин, ДМТ, и.т.д.(говоря о распространенности этого пути, заметим, что это – 1964 год, США.

Психоделические препараты классифицированы как «экспериментальные», это означает их доступность только «квалифицированным исследователям» – в частности, практикующим психиатрам, чьи исследования поддержаны местными или федеральными органами власти.)

Разумеется, сама по себе доза наркотика не ведет к психоделическим открытиям, наркотик срабатывает в роли «химического ключа» – он открывает сознание, освобождает нервную систему от обычных шаблонов и структур. Природа эксперимента целиком зависит от настроения и установок. Под настроением понимается подготовленность человека, включая структуру личности и его настроение в данный момент. Установки – физические параметры: погода, атмосфера помещения; социальные: чувства участников, сидящих напротив друг друга и культурные: преимущественно, взгляды на то, что считать реальностью. На это, в основном, и направлены всеческие руководства – помочь человеку осознать реальности расширенного сознания, служить дорожной картой по неисследованным землям, ставшим доступным с помощью современной науки.

Разные исследователи – разные карты. Различные методики основаны на различных подходах – научных, эстетических, терапевтических...

Тибетская модель, которой придерживаемся мы призвана научить человека направлять и контролировать познание таким образом, который ведет к уровню понимания, называемого в различных источниках «освобождением», «просветлением», «благодатью». Если данный манускрипт будет внимательно изучен и прочитан несколько раз перед тем, как попытки достижения результата будут предприняты, а также, если вы нашли достойного человека, который будет напоминать и направлять вас во время эксперимента, ваше сознание освободится от игр, которые образуют «личность», и от позитивных и негативных галлюцинаций, зачастую сопровождающих состояние расширенного сознания. Тибетская Книга Мертвых, на языке оригинала «Бардо Тодол» – что значит «Освобождение путем посмертного восприятия». В книге снова и снова подчеркивается, что для освобождения сознания необходимо воспринимать последовательные инструкции...

Тибетская Книга Мертвых – описание опыта, впечатлений, испытываемых человеком в момент смерти, в промежуточной фазе длящейся сорок девять (семь раз по семь) дней, и в фазе перерождений в новую телесную форму.

Это, однако, экзотерическая, открытая для всех сторона книги, призванная скрывать мистическое учение. Язык и символизм смертельных ритуалов Бонизма, традиционной Добуддийской Тибетской религии, были мастерски смешаны с концепциями Буддизма. Эзотерический, сокрытый смысл учения, раскрываемый этим руководством, говорит о том что смерть, описываемая в Книге Мертвых имеет отношение не к телу, а к сознанию².

Закончив читать, Ты подтер задницу салфеткой, внимательно изучил образовавшийся на ней рисунок, бросил салфетку в дырку в стульчаке, и взял следующую.

– А что у тебя? – спросил он.

– Сейчас посмотрю, – ответил Трубопроводов, беря с полки салфетку.

Вероятно, наиболее важные практические применения теория Сантьяго³ нашла в нейробиологии и иммунологии. Как уже отмечалось, новый взгляд на познание существенно проясняет загадку вековой давности о взаимосвязи между разумом и мозгом. Разум представляет собой не вещь, а процесс – процесс познания, тождественный процессу жизни. Мозг является специфической структурой, с помощью которой этот процесс осуществляется. Таким образом, взаимосвязь между разумом и мозгом – это взаимосвязь между процессом и структурой.

Мозг никоим образом не является единственной структурой, вовлеченной в процесс познания. Становится все более очевидным, что иммунная система человека, равно, как и других позвоночных, представляет собой сеть не менее сложную и переплетенную, чем нервная система, и выполняет не менее важные координирующие функции. Классическая иммунология рассматривает иммунную систему как защитную систему тела, направленную вовне; её часто описывают с помощью военных метафор – армии белых кровяных клеток, генералов, солдат и т. д. Последние открытия Франциско Варелы и его коллег из Парижского университета бросают серьезный вызов этой концепции. Сегодня многие исследователи убеждены, что классический подход с его военными метафорами был одним из главных камней преткновения на пути к разгадке аутоиммунных заболеваний, таких, как СПИД.

Закончив чтение, Трубопроводов подтерся. Ощущение было странным и, в то же время, волнующим. Сам акт этого подтирания превратился для него в очень важное, глубокое в духовном смысле действие, исполненное сакральным смыслом.

– С целью повышения культурного уровня населения необходимо обязать производителей туалетной бумаги печатать на ней высказывания видных деятелей науки, политики, культуры и искусства. Чтобы граждане могли непосредственно соприкоснуться с мудростью лучших представителей человечества, – изрек Ты, надевая штаны, – пора двигать в Москву. Надо еще успеть оформить эту мысль в качестве нового законопроекта.

– Надо вернуться, – решил Ты, когда до отправления электрички оставались считанные секунды, – пойдём, – сказав это, он вскочил с сиденья и поспешил к выходу из вагона.

– Но следующая электричка будет только через вечность, – попытался возразить Трубопроводов, пока еще было не поздно.

– Плевать! Он не тот человек, за кого себя выдает.

– С чего ты взял? – спросил Трубопроводов, до конца не понимая, о ком идет речь.

– Такой туалет не может существовать у обычного мумуковеда. Мы просто обязаны вернуться. Пошли.

---

² Тимоти Лири, доктор философии; Ральф Мечнер, доктор философии; Ричард Альперт доктор философии. «Практика приема психоделиков. Руководство, основанное на Тибетской Книге Мертвых»

³ Фридьоф Капра «Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем»

Они спрыгнули с поезда, когда тот уже начинал медленно отъезжать от платформы. Еще немного, и разговор пришлось бы отложить на неопределенный срок.

– Вы? – удивился Сигизмунд Соевич, – но семинар уже закончился. К тому же, я не видел вас на второй половине.

– Извините, профессор, но нам надо с вами поговорить. Дело срочное, не терпящее отлагательства.

– Да? И о чем же вы хотите срочно поговорить? – Сигизмунд Соевич, совсем не скрывал своего нежелания вообще о чем-либо с ними говорить, несмотря даже на откровенно лестное обращение «профессор».

– О вашем туалете.

– Вы хотите в туалет?!

– Нет, но ваш туалет вас выдал и, если вы нас впустите... Хотя можете и не впускать, но тогда к вам придут другие, – поспешно добавил Ты.

– Хорошо, входите, – без всякого энтузиазма пригласил Сигизмунд Соевич, пропуская гостей в дом.

– Так, что же, все-таки, поведал вам мой туалет, – спросил он, наливая гостям коньяк.

– А то, что мумуководение – это, далеко, не призвание всей вашей жизни, а, скорее, ширма, которой вы пытаетесь отгородиться от ненужного любопытства, – медленно произнес Ты.

– Ну и что? В этом нет ничего предвзятого.

– Согласен. Но ваши поиски... Насколько они увенчались успехом? – спросил Ты, как-то особенно посмотрев в глаза Сигизмунду Соевичу.

– Откуда вам это известно? – удивился он, слегка побледнев.

– Я же сказал. Это написано у вас в туалете. Вам срочно надо обзавестись безликими удобствами XX века.

– Насколько я понимаю, это не все, что вы хотите мне сказать? – не вопрошая, а, скорее, прося, произнес Сигизмунд Соевич.

– Вы правы, но для этого мне нужно знать, что вы уже откопали.

– Одну минуточку, – сказал Сигизмунд Соевич и пулей вылетел из гостиной.

Вернулся он, буквально, через мгновение с несколькими видеокассетами.

– Вы не против? – спросил он, включая видео.

– Ничуть, – ответил Ты.

– Прекрасно. Тогда, прежде чем смотреть этот материал, ответьте мне на один вопрос: Что вы знаете о тайных обществах?

Трубопроводов, для которого весь предыдущий разговор был ничем иным, как китайской грамотой, не сразу понял, что вопрос адресован персонально ему. В последнее время он много читал, ставшую популярной, литературу о всяческих там масонах, иллюминатах и тамплиерах. Получив слово, он принялся пересказывать прочитанное. Но, заметив, что его не перебивают не потому, что его слова являются откровением для собеседников, а исключительно из желания дать ему договорить, быстро умолк.

– А вы что скажете по этому поводу? – спросил Сигизмунд Соевич у Ты.

– Я ничего не знаю о тайных обществах, – ответил он.

– Так, уж, и ничего? – с наигранным удивлением переспросил Сигизмунд Соевич.

– Согласитесь, нельзя назвать тайным общество, о котором говорят даже по телевизору. Поэтому любое общество, о котором я хоть что-то знаю, перестает для меня быть тайным. Отсюда следует, что тайным может быть лишь то общество, о котором у посторонних нет никакой информации.

– Но вы не отрицаете возможность существования таких, действительно, тайных обществ?

– Я даже уверен, что они существуют.

– Что ж, думаю, можно приступать к просмотру видеоматериалов. Только не спрашивайте, как они попали ко мне в руки.

– Клянусь! – несколько наигранно произнес Ты.

Съемка велась в кабинете одной из психиатрических больниц. Камера была установлена стационарно и на экране было видно лишь белую стену, часть стола и человека в больничной пижаме на стуле для посетителей. Человек был всклокоченным и небритым. Было видно, что он сильно нервничает.

Голос доктора (сам он находился за кадром) произнес:

– Ляпонов Сергей Михайлович. Бывший сотрудник института бальзамирования, работавший с телом Ленина. Сергей Михайлович, расскажите, что с вами произошло в тот день?

В переводе на нормальный язык рассказ Ляпонова выглядел примерно так:

Случилась эта история в те времена, когда Дорогой и Любимый Леонид Ильич уже стал Покойным Дорогим и Любимым Леонидом Ильичом, но большевизм все еще оставался государственной идеологией и казался крепким и незыблемым, как медицинский спирт.

В тот день Ляпонов, тогда еще подающий надежды сотрудник института бальзамирования, задержался на работе почти до полуночи – надо было срочно приготовить какие-то документы. По дороге домой он обнаружил, что дверь в одно из помещений приоткрыта, а из щели выбивается свет. Это было странным потому, что та дверь всегда была закрыта, и что скрывалось за ней, не знал практически никто.

Здравый смысл настоятельно рекомендовал не лезть не в свое дело, но любопытство оказалось сильнее осторожности, и Ляпов заглянул в образовавшуюся щель. Единственным, что он смог увидеть, была стена, окрашенная в серый цвет. За дверью был коридор, по ту сторону которого кто-то монотонно бубнил. Трясаясь от страха, Ляпонов юркнул в коридор и закрыл за собой дверь. Несмотря на внешнюю невостребованность, коридор был ухоженным. Полы вымыты, стены покрашены, все электрические лампочки на месте. Заканчивался коридор другой дверью, за которой и находились ночные посетители. Эта дверь тоже была приоткрыта, и Ляпонов, естественно, заглянул в щель. То, что он увидел, превзошло все его ожидания.

За дверью был огромный зал, стены и пол которого были облицованы кроваво– красным камнем. Повсюду горели свечи, и играющие на стенах блики создавали впечатление, что по стенам струится кровь.

Посреди зала был начерчен черный круг, в него был вписан многоугольник, у каждой вершины которого был начертан иероглиф, но не азиатский или египетский, а древнеамериканский. В центре этого круга стоял трон, на котором восседал Ленин собственной персоной. Несмотря на то, что уже тогда он был практически неким аналогом восковой куклы, того, что все еще оставалось в нем от Ленина, вполне было достаточно для этого поистине ужасного красного ритуала.

Вокруг Ленина стояли все члены политбюро ЦК КПСС. Все с красными галстуками по типу пионерских, все со свечами в левой руке и чашей в правой.

Подле Ленина орудовал жрец в костюме Деда Мороза. В одной руке он держал маленького ребенка с зашитым суровыми нитками ртом и выколотыми глазами. В другой руке у него был ритуальный нож, которым он перерезал ребенку горло. Большую часть крови он собрал в специальный кувшин. Оставшейся окропил Ленина. Глаза вождя вспыхнули красным огнем.

Кровь разбавили вином, после чего Дед Мороз, под торжественное пение, разлил кровь по чашам руководителей страны.

Шокированный увиденным, Ляпонов бросился прочь. Но не тут-то было. Дед Мороз бросил ему вслед заклятие на каком-то древнем языке и все его тело обмякло. Ляпонов рухнул на пол, не имея возможности пошевелиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.